

ЧЕШОК В ГОРШОЧКЕ

ТОМ 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Umnokisa Umnokisa

Чеснок в горшочке

<https://litres.ru/74459014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гавриил всю жизнь прожил в лесу, в семье потомственных охотников на нечисть, а в восемнадцать родители решили, что сыну всё-таки нужна нормальная профессия, и отправили его учиться в Чернореченск.

Сосед по общежитию достаётся почти идеальный: Александр Завадский тихий, аккуратный, работает по ночам, умеет готовить и не устраивает пьянок. Есть только одна странность — у него тяжёлая аллергия на чеснок. Особенно на тот самый, который Гавриил привёз из дома и поставил в горшке на подоконник.

Содержание

Глава 1. Чеснок в горшочке	4
Глава 2. Первая пара	27
Глава 3. Местная	50
Глава 4. Посылка из дома	76
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Umnokisa

Чеснок в горшочке

Глава 1. Чеснок в горшочке

К тому моменту, когда автобус въехал в Чернореченск, Гавриил успел трижды пожалеть, что не согласился на предложение отца довести его до общежития, и столько же раз решить, что всё-таки правильно отказался. Первые два часа дороги он держался неплохо, потом рядом подседа женщина с двумя пакетами: из одного пахло копчёной рыбой, из второго время от времени доносилось обиженное мяуканье. Впереди маленький ребёнок обнаружил, что спинку кресла можно откидывать назад, и принялся проверять механизм на прочность с методичностью человека, которому за это платят. В лесу всё было проще: если что-нибудь настойчиво било тебе по коленям сорок минут подряд, вопрос обычно решался либо сменой позиции, либо пониманием, что ты за чем-то лёг на муравейник. Здесь же следовало терпеть, улыбаться и делать вид, что так устроена цивилизация.

Гавриил терпел, хотя с каждой минутой всё сильнее сжимал пальцы на ремне рюкзака и всё чаще поглядывал в окно, словно мог одним взглядом ускорить автобус. За стеклом постепенно исчезали сосны, уступая место гаражам, пя-

тиэтажкам с застеклёнными балконами, рекламным щитам, автосервисам и магазинам. По количеству вывесок «ШАУР-МА» город явно опережал родную общину примерно бесконечно. Чернореченск оказался больше, чем он представлял по карте, но меньше, чем можно было предположить по рассказам матери, которая в последние две недели говорила о его отъезде таким тоном, будто он собрался не в соседнюю область учиться, а вступить в иностранный легион.

Телефон завибрировал в кармане. Мама: *«Доехал?»* Следом, прежде чем Гавриил успел ответить: *«Ты только не таскай всё сам, если тяжёлое»*. И ещё, уже от Яромиры: *«Если убьёшься об городской бордюр в первый день, я заберу твою комнату»*.

Гавриил посмотрел на сообщения, потом на огромный походный рюкзак у ног, спортивную сумку, пакет с домашней едой, свёрнутую куртку и небольшой старый глиняный горшок со сколом у основания, который мать перед самым отъездом вынесла из дедовой мастерской и сунула ему в руки со словами: «Поставишь на подоконник, хоть что-то живое рядом будет».

Живым оказался чеснок.

Почему именно чеснок, мать не объяснила. Возможно, потому что помидоры в августе перевозить было поздно, а фиалок у них никто не держал принципиально. Возможно, потому что Гавриил с детства выращивал всякое съедобное просто из интереса и весной умудрился занять рассадой поло-

вину окна в своей комнате. А возможно, мать прекрасно понимала, насколько смешно будет выглядеть её сын, впервые приехавший жить среди людей, с огромным рюкзаком, охотничьим ножом, спрятанным на самом дне вещей, и горшком чеснока в руках.

Последнее было наиболее вероятно, и от этой мысли Гавриил невольно усмехнулся, хотя женщина с кошачьими пакетами тут же покосилась на него, будто решила, что он смеётся над мяуканьем.

«Доехал. Пока не убился», — написал он обеим, подумал и Яромире добавил: *«Комнату всё равно не получишь»*.

Ответ прилетел мгновенно: *«Поздно. Я уже переставила шкаф»*.

Гавриил успел только беззвучно выдохнуть, как автобус остановился с таким тяжёлым вздохом, будто Чернореченск тоже не входил в его планы, и водитель объявил конечную. Гавриил дождался, пока пассажиры вытащат из багажного отсека чемоданы, клетчатые сумки и детский велосипед без переднего колеса, после чего навьючил на себя всё своё имущество. Чеснок он взял отдельно и ещё раз посмотрел на записанный матерью адрес.

До общежития было двадцать семь минут пешком. Он прошёл их за сорок пять, успев за это время сначала разозлиться на навигатор, потом на город, потом на себя и наконец решить, что злиться на город несправедливо: город не виноват, что его дворы проектировали люди, которые яв-

но считали прямую линию личным оскорблением. Навигатор предложил пройти через двор, который на местности оказался перекрыт металлическим забором высотой метра в два. В лесу Гавриил просто обошёл бы препятствие и вернулся на нужное направление. Здесь же обход сначала привёл его на детскую площадку, потом во двор дома с кодовым замком, где выяснилось, что выход всего один и он ровно там, откуда Гавриил пришёл.

Через десять минут он перестал доверять карте и спросил дорогу у мужчины, курившего возле подъезда.

— Техникум? — Мужчина смерил взглядом рюкзак, сумку и чеснок, после чего лениво махнул сигаретой вдоль улицы. — Туда. До светофора, потом направо, там увидишь старое красное здание, за ним общага.

— Спасибо, — Гавриил перехватил съезжающую с плеча лямку и уже сделал несколько шагов, когда мужчина окликнул его.

— Только ты в старое не заходи. Там стоматология.

— А почему я должен был туда заходить? — Гавриил остановился и обернулся, придерживая горшок ладонью, потому что одно из зелёных перьев опасно накренилось.

— Все заходят. — Мужчина затаился, посмотрел в сторону красного здания так, будто и сам когда-то стал жертвой этой городской ловушки, и пожал плечами.

Чернореченск начал нравиться Гавриилу чуть больше, и он даже позволил себе коротко улыбнуться.

Общежитие обнаружилось за учебным корпусом, который действительно был красным, старым и достаточно мрачным, чтобы в нём можно было одновременно учить будущих электриков, снимать исторический сериал и прятать как минимум одно проклятое зеркало. Само общежитие выглядело проще: пятиэтажное кирпичное здание с облупившейся краской на крыльце, металлической дверью и двумя лавочками, на одной из которых сидели трое парней примерно его возраста. Они лениво проводили взглядом сначала Гавриила, потом его вещи, потом чеснок.

Один поднял брови. Гавриил, которому обе руки были заняты и потому возможности выразить своё отношение как-нибудь сложнее всё равно не оставалось, посмотрел на него в ответ, чувствуя, как усталость постепенно уступает место раздражению.

Парень выдержал взгляд секунды две и отвернулся к товарищам. Вот и познакомились.

За дверью пахло хлоркой, старым линолеумом и чем-то жареным, причём последнее уверенно побеждало первые два запаха. В небольшом холле стоял стол, за которым сидела крупная женщина в серой кофте, листала бумаги и одновременно следила за телевизором, где мужчина в костюме объяснял женщине в красном платье, что результаты экспертизы полностью меняют ход расследования.

— Фамилия? — Женщина не подняла головы и повела ногтем вниз по отпечатанному списку.

— Ратников. Гавриил. — Он поставил сумку на пол раньше, чем плечо окончательно онемело, и придвинулся к столу, чтобы самому увидеть нужную строку.

Ноготь остановился. Женщина перечитала имя, словно в первый раз ему не поверила, затем всё-таки посмотрела на Гавриила. — Серьёзно? Родители верующие?

— Нет. — По её лицу уже было понятно, какой вопрос последует, и Гавриил успел только перехватить ремень рюкзака.

— Тогда за что они тебя так? — спросила она. Надежда прожить в новом месте хотя бы пять минут без этого разговора закончилась почти сразу после регистрации.

С лавочки у стены кто-то кашлянул, очень похоже пытаюсь спрятать смех. Гавриил перевёл взгляд туда, увидел двух девушек с чемоданами и решил не уточнять, что его старшего брата зовут Витольд, младшую сестру Яромира, а отец однажды совершенно серьёзно предлагал назвать третьего сына Святополком, если тот родится. На фоне семейной традиции Гавриил вообще отделался легко.

— Привык, — сказал он, снова поправляя рюкзак и стараясь, чтобы голос прозвучал спокойнее, чем он себя чувствовал.

Женщина одобрительно кивнула, будто стойкость перед собственным именем была первым испытанием на право проживания, поставила галочку в списке и протянула ему лист.

— Маргарита Сергеевна. Комендант. Расписываешься здесь, здесь и здесь. Курить в комнатах нельзя, пить нельзя, электроплитки нельзя, кипятильники нельзя, гостей после одиннадцати нельзя, переставлять мебель без разрешения нельзя, выносить мебель нельзя, ломать мебель тоже желательно не надо. Холодильник на кухне общий, но если положишь туда что-нибудь хорошее и не подпишешь — считай, пожертвовал коллективу.

Она говорила привычно, почти не делая пауз, передвигая ручку с одной строки на другую, а Гавриил тем временем читал бумагу. Правила были понятными, кроме пункта про открытый огонь, который был выделен жирным шрифтом и подчёркнут красной ручкой дважды.

— А свечи? — спросил он, задержав палец на строчке.

Маргарита Сергеевна перестала следить за телевизором и повернулась к нему.

— Какие ещё свечи? — Маргарита Сергеевна наконец оторвалась от телевизора.

— Обычные. Если свет отключат. — Гавриил задержал палец на строчке, уже понимая, что лучше было просто расписаться.

— Фонарик купи.

— Есть. — Он хлопнул по боковому карману рюкзака.

Маргарита Сергеевна посмотрела сначала на карман, потом на него. — Тогда свечи тебе зачем?

— Вопрос был теоретический.

— Теоретически увижу свечу — практически будешь жить на улице. — Она забрала лист и постучала ногтем по красному подчёркиванию. — Всё понял?

Гавриил кивнул, решив никогда не упоминать спиртовку из аптечки. Комендант смягчилась ровно настолько, чтобы достать из ящика ключ с тяжёлым брелоком. — Триста семнадцатая, второе место. Сосед тихий, учится, работает, по ночам приходит поздно, но никого не водит и музыку не орёт. Для общежития почти святой. Не испорти его.

— Постараюсь. — Гавриил взял ключ и потянулся за горшком, освобождая край стола.

— Это что?

— Чеснок.

— Я вижу, что не орхидея. Зачем он тебе?

— Растёт, — объяснил Гавриил и осторожно прижал ладонью одно из перьев, чтобы не задеть папку с документами.

На этот раз кашлянули уже обе девушки, и Гавриил почувствовал, как у него предательски дёрнулся уголок рта.

Маргарита Сергеевна прикрыла глаза, видимо, решая, стоит ли уточнять ещё что-нибудь, потом махнула рукой в сторону лестницы.

— Иди уже. Третий этаж. Если таракана увидишь — не корми.

В комнате триста семнадцать было открыто окно. Это Гавриил заметил первым, ещё до мебели и соседа, потому что створка стояла настежь, а лёгкая занавеска то прилипала к

сетке, то надувалась внутрь от тёплого августовского ветра. Потом он увидел две кровати, два стола, высокий шкаф, тумбочки и человека у окна.

Тот стоял спиной, одной рукой придерживал деревянную раму, а другой листал лежавшую на подоконнике книгу, придерживая пальцем страницу. Рядом были разложены винты и отвёртка; видимо, он решил сделать перерыв. Высокий, худой, в тёмной футболке и домашних брюках, он выглядел слишком собранно для человека, который находился в комнате общежития в трёх шагах от облупленного радиатора. На столе возле его кровати лежала стопка книг, ноутбук, шахматная доска с расставленными фигурами и кружка. Никаких плакатов, грязных носков или пустых банок, которые Гавриил ожидал увидеть по рассказам Витольда о студенческой жизни, не наблюдалось.

— Здравствуйте. — Гавриил постучал костяшками по уже открытой двери.

Человек обернулся. Он был бледный, особенно рядом с загорелыми руками Гавриила. Взгляд скользнул по рюкзаку, сумке, задержался на горшке — и пальцы на книге замерли. Ненадолго, но Гавриил заметил: дома отец так же замирал перед фразой «я не запрещаю, но подумай ещё раз». Сосед ещё раз посмотрел на зелёные перья чеснока и закрыл книгу.

— Добрый день, — сказал он, отложив книгу на край стола, хотя руку убрал не сразу. Голос оказался низким и немного усталым. — Вы, полагаю, Ратников?

— Гавриил. Можно Гавр, — он поставил сумку возле свободной кровати и протянул руку, стараясь не выглядеть таким же уставшим, каким себя ощущал.

— Александр Завадский.

Они пожали руки. Ладонь у Александра была прохладной, но окно стояло открытым, да и сам Гавриил только что поднялся на третий этаж с двадцатью с лишним килограммами за спиной, поэтому сейчас ему любой человек показался бы холодным.

— А можно Саша? И на «ты»? — Гавриил высвободил руку и наконец стянул рюкзак с плеч. — А то я сейчас опять здороваться начну.

— Мне без разницы, как вам удобно. — Александр подвинул книгу, освобождая край стола. — Только рюкзак на винты не ставьте.

— Понял, — Гавриил опустил его рядом с сумкой. На «вы» сосед, видимо, собирался остаться. Ну, ему виднее.

— Вы это... выращиваете? — Александр снова посмотрел на горшок.

— Да, — Гавриил проследил за его взглядом и приподнял горшок чуть выше, словно чеснок нуждался в дополнительном представлении.

— Здесь? — Александр слегка наклонил голову.

Гавриил оглядел комнату, проверяя, не пропустил ли какой-то очевидный запрет на растениеводство.

— Если не возражаешь.

— Я пока пытаюсь определить, насколько именно я возражаю. — Александр перевёл взгляд с подоконника на свободный стол, потом обратно на растение. Он взял со стола отвёртку, покрутил её между пальцами и снова посмотрел на горшок.

Гавриил расправил плечи, чувствуя, как позвоночник с благодарностью возвращается примерно на место. Горшок он по привычке пристроил на подоконник, где света было больше всего.

— Может быть, на ваш стол? — Александр перестал чинить раму. Отвёртка так и осталась у него в руке.

— Там темнее. — Гавриил посмотрел на стол, потом на солнце, падавшее косой полосой вдоль подоконника.

— Насколько, по-вашему, чесноку принципиально? — Александр всё ещё держал отвёртку, но теперь явно интересовался уже не окном.

— При таком окне часа на два прямого света меньше.

Александр посмотрел на полосу света возле горшка и потёр переносицу. Жаловаться на чеснок, видимо, было неловко, но и оставлять его там не хотелось.

— Разумеется, — сказал он наконец, аккуратно положив отвёртку рядом с винтами. — Тогда подоконник.

— Если мешает, можно переставить на шкаф. — Гавриил уже расстёгивал рюкзак, но остановился.

— Нет. Там же темнее. — Александр поднял голову и посмотрел на шкаф так внимательно, будто действительно оце-

нивал освещённость.

Гавриил не сразу понял, издевается сосед или действительно запомнил аргумент, но уголок его рта едва заметно дёрнулся. Значит, скорее первое. Хорошо, с чувством юмора жить проще.

Он начал разбирать вещи, стараясь не занимать чужую половину комнаты. Мать упаковала всё с военной тщательностью: футболки отдельно, тёплые вещи отдельно, лекарства в пластиковом контейнере, документы в папке, три банки варенья завернуты в полотенца. Где-то между свитером и запасными джинсами обнаружился пакет сушёных грибов, о котором Гавриил ничего не знал.

— Это сильно пахнет? — спросил Александр от окна и, не дожидаясь ответа, чуть повернул голову, явно принюхиваясь.

— Грибы. — Гавриил поднял пакет к лицу.

— Я догадался. — Александр медленно посмотрел на него через плечо.

— Значит, не сильно. — Гавриил понюхал ещё раз, теперь уже специально.

Александр тихо выдохнул через нос и вернулся к раме.

На самом дне рюкзака лежал длинный свёрток. Гавриил задержал руку, посмотрел на соседа и решил пока не доставать. Охотничий нож был совершенно законным, отец специально проверял документы перед поездкой, но объяснять в первый день незнакомому человеку, зачем студенту-перво-

курснику клинок с рукоятью из берёзы, не хотелось. Арбалет он вообще оставил дома после продолжительного семейного совета, на котором Витольд утверждал, что «в городе тоже всякое бывает», мать отвечала, что если в городе случится такое, для чего Гавриилу понадобится арбалет, то она сама приедет его забирать, а Яромира предлагала спрятать складной в чемодан.

В итоге отец положил ему только нож, аптечку, несколько защитных мелочей и сказал: «Ты туда учиться едешь, а не охотиться». Гавриил был с ним согласен, поэтому прикрыл свёрток футболками и вытащил учебную папку.

— Ты на каком курсе? — спросил Гавриил, расставляя книги на полке.

— На втором. Документационное обеспечение и архивоведение. — Александр закрутил винт и проверил пальцами раму.

Гавриил замер с книгой в руке. — У нас и такое есть?

— Второй год учусь и всё ещё надеюсь, что да, — ответил Александр, не оборачиваясь.

Гавриил поставил книгу на полку, уже улыбаясь.

— Я на лесном хозяйстве.

— Неожиданно, — отозвался Александр и снова взялся за раму.

— Почему? — Гавриил оглянулся.

— Не могу объяснить. — Взгляд Александра скользнул по его непромокаемым ботинкам, рюкзаку, пакету грибов и

чесноку, после чего он немного приподнял бровь.

Гавриил усмехнулся и продолжил разбирать вещи. Разговор шёл легче, чем он ожидал. Александр не задавал лишних вопросов, не пытался выяснить, откуда именно приехал новый сосед, почему у него такой рюкзак и действительно ли родители назвали его Гавриилом сознательно. После нескольких недель семейных разговоров, в которых любое его действие обсуждали сразу пять человек и собака, возможность молча сложить футболки в шкаф казалась почти роскошью.

Снаружи во дворе кто-то крикнул, потом раздался смех, хлопнула дверь подъезда. Где-то в коридоре девушка громко выясняла по телефону, почему «две кастрюли — это не много, мам, нас тут вообще-то двое», сверху двигали мебель с такой убеждённостью, будто Маргарита Сергеевна ещё не успела сообщить им правила, а из открытого окна тянуло нагретым кирпичом и листьями старых тополей.

Совсем не лес. Гавриил расправил покрывало на кровати, сел и впервые за день почувствовал, что действительно приехал. Теперь ему здесь жить, и спрашивать, можно ли вечером уйти погулять, больше не придётся. Он добивался этого последние два года, спорил, подавал документы, ездил сдавать вступительные, доказывал, что образование ему нужно не потому, что он хочет уйти из семьи, а потому что не собирается до сорока лет быть человеком, которого отправляют «с Витольдом, чтобы посмотрел». Теперь всё получи-

лось, и вместо торжественного ощущения свободы он сидел на жёсткой кровати, смотрел на шкаф цвета советского детского сада и думал, что мать наверняка забыла положить ему запасные шнурки.

На внутренней стороне дверцы шкафа обнаружился светлый прямоугольник с четырьмя отверстиями по углам. — Здесь зеркало было? — спросил Гавриил, проведя пальцем по одному из них. Александр посмотрел на дверцу так, будто давно перестал замечать след. — Было. Я его разбил. Случайно, если придерживаться официальной версии.

— А неофициальной? — Гавриил оглянулся на него. Александр убрал отвёртку в ящик стола и только после этого ответил: — По словам Маргариты Сергеевны, я заодно едва не перерезал себе вены осколком. После этого она запретила устанавливать в комнате новое зеркало. Общее висит в туалете, в конце коридора. — И ты туда ходишь? — Когда требуется. Гавриил ещё раз посмотрел на пустой прямоугольник. В общезнании, судя по всему, даже отсутствие предмета успевало обзавестись собственной историей.

Телефон снова завибрировал. Отец: «Заселился?» Гавриил сфотографировал комнату. На снимок попали его кровать, стол, часть окна и чеснок. Ответ отца пришёл через минуту: «Нормально. Цветок поливай».

Гавриил посмотрел на сообщение и написал: «Это чеснок». Отец долго печатал. «Тем более».

Гавриил тихо рассмеялся, и Александр поднял голову. От-

ложив отвёртку, он взял со стола очки и протёр их краем футболки.

— Родители?

— Да. — Гавриил поднял голову.

Александр надел очки и прищурился, проверяя стёкла.

— Проверяют, не погибли ли вы в большом городе?

Гавриил на секунду замер с телефоном.

— Ты откуда знаешь?

— У меня были родители.

Фраза прозвучала спокойно, но Гавриил задержался взглядом на его лице. Александр уже снял очки, отложил их рядом с книгой и вернулся к окну. Последний винт никак не поддавался; он сжал отвёртку крепче. Переспрашивать, что значит «были», Гавриил не стал.

Он убрал телефон в карман.

— Мои, скорее, проверяют, не начал ли город гореть. Отец уверен, что я справлюсь. Мать уверена, что я справлюсь, если буду есть три раза в день. Брат уверен, что я справлюсь неправильно. Сестра надеется, что нет.

— Большая семья? — Александр медленно повернулся от окна, всё ещё держа отвёртку.

— Два брата, сестра, — Гавриил слегка развёл руками, как будто это объясняло вообще всё.

— Сочувствую. — Александр посмотрел на него с новым пониманием.

— А я младший из братьев. Мне ещё нормально.

— Тогда беру свои слова обратно. — Александр подумал, поставил отвёртку на подоконник и коротко кивнул.

Он наконец закрыл раму. Стало заметно тише: уличный шум приглушился, занавеска перестала ходить ходуном, а чесночные перья слегка качнулись и замерли.

— Он сильно разрастается? — Александр посмотрел на них.

— Не особо, — Гавриил покосился на подоконник. — Это же чеснок.

— Хорошо, — Александр задержался возле окна, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал.

Гавриил усмехнулся, хотя и не был уверен, что с новым соседом уже можно так шутить.

— Ты его боишься?

Александр застыл с кружкой в руке, потом медленно поставил её обратно на стол и посмотрел на Гавриила.

— Да, Гавриил, — сказал он совершенно серьёзным голосом, положив ладонь на край стола. — Именно поэтому я второй год живу в общежитии, работаю по ночам и питаюсь лапшой быстрого приготовления. Я вампир из древнего рода, финансовое положение которого особенно сильно подкосил чеснок.

Гавриил несколько секунд смотрел на него, потом рассмеялся — сначала коротко, почти недоверчиво, а затем уже открыто. Плечи затряслись, и он сел на край кровати, всё ещё улыбаясь. Александр выдержал ещё мгновение и тоже улыб-

нулся, совсем немного.

— Прости, — сказал Гавриил, потёр ладонью затылок и снова покосился на горшок. — Дурацкая шутка.

— Ничего. Я переживу, — Александр забрал кружку со стола и, прежде чем сделать глоток, ещё раз посмотрел на подоконник. — Если растение не подойдёт ближе.

— Оно не ходит, — Гавриил потёр нос, сдерживая новый смешок.

— Вы уверены? — Александр отпил кофе.

— Пока ни разу. — Гавриил тоже посмотрел на чеснок, словно впервые всерьёз допуская такую возможность.

— Тогда у нас есть шанс ужиться. — Александр поставил кружку.

К вечеру выяснилось, что шанс действительно есть. Александр освободил ему две полки в шкафу, показал, где сушить вещи, предупредил, что душ на четвёртом этаже лучше не включать одновременно с соседним, потому что вода там почему-то воспринимает это как личное оскорбление, и объяснил, как попасть в столовую коротким путём через двор. Гавриил в ответ достал из материнского пакета контейнер с картошкой, грибами и мясом, которую следовало съесть «сегодня, максимум завтра», и предложил соседу.

Александр сначала отказался и потянулся к книге, но Гавриил успел снять крышку. По комнате потянуло жареными грибами. Сосед посмотрел на контейнер, положил книгу обратно и подошёл к столу.

— Это грибы из того пакета?

— Нет, те сушёные. Эти жареные, — Гавриил подвинул контейнер ближе к середине стола и открыл второй отсек.

Александр пододвинул свой стул к столу Гавриила, хотя пока явно ещё не признавал это согласиём на ужин.

— А мясо?

— Кабан.

— В смысле дикий? — Вилка в руке Александра замерла. Он поднял глаза.

— В прямом. Отец зимой добыл.

Александр посмотрел на мясо, потом на стоящий на подоконнике чеснок.

— Чеснока там нет. Клянусь, — не удержался Гавриил, проследив за его взглядом.

— Чем? — Александр перевёл взгляд обратно на него.

— Честью человека, который полдня тащил его сюда в отдельном горшке, — наконец нашёлся Гавриил.

— Допустим. — Александр ещё секунду смотрел на него, явно решая, заслуживает ли такая клятва доверия, потом всё-таки положил себе кусок.

— Могу мать набрать, она подтвердит.

— Не надо, — Александр быстро подвинул тарелку к себе. — В первый день знакомства с вашей семьёй мне вполне достаточно вас и чеснока.

Гавриил хмыкнул и положил себе картошки. В результате ели за его столом, сдвинув тетради на подоконник. Кух-

ню Гавриил пока не нашёл, а Александр утверждал, что знакомство с ней лучше отложить до утра, когда психика будет отдохнувшей. Картошка за дорогу немного размякла, но всё равно оставалась домашней, и после автобусных бутербродов казалась особенно хорошей. Александр ел медленно, аккуратно, будто и обычный пластиковый контейнер требовал соблюдения этикета, зато добавку взял без напоминаний, и Гавриил с удовольствием подвинул к нему контейнер: зря, что ли, тащил.

Александр доел последний кусок мяса и отложил вилку.

— Вкусно. Передайте матери благодарность.

— Передам. — Гавриил закрыл контейнер.

— Только не говорите, что я сначала отказался. — Александр уже потянулся за кружкой, но остановился.

— Почему? — Гавриил поднял на него глаза.

— Она решит, что вы живёте с идиотом.

Гавриил представил мать, которая вполне способна была сделать такой вывод уже на основании отказа от картошки с грибами, и согласно кивнул.

Когда стемнело, Александр начал собираться на работу. Чёрная рубашка вместо футболки, часы, ключи, телефон, тонкая куртка, хотя на улице всё ещё было тепло. Гавриил заметил, что движения у него быстрые, привычные, и вспомнил слова коменданта.

— Ночная смена? — спросил он, наблюдая, как Александр проверяет карманы куртки.

— До утра, — тот убрал телефон во внутренний карман. Гавриил посмотрел на часы.

— А с утра на пары? Прямо после смены?

Александр застегнул часы и одёрнул рукав рубашки.

— Гостиница недалеко. Успеваю переодеться, выпить кофе и пожалеть о жизненных решениях.

Гавриил нахмурился. За его спиной на столе ещё стояли тарелки, а соседу уже надо было куда-то идти до самого утра.

— А спишь когда?

— После учёбы. Иногда даже добровольно.

Только теперь стало понятно, откуда у соседа этот немного усталый вид, который Гавриил сначала списал на переезд и жару. Сам он мог спать где угодно, если рядом никто не храпел слишком громко и не ожидалось нападения, но даже ему такой график казался способом проверить организм на личную неприязнь к хозяину.

— Можно было бы найти работу днём, — сказал он, всё ещё прикидывая, сколько часов сна у Александра вообще остаётся.

Тот замер на половине движения и посмотрел на него с лёгким удивлением.

Гавриил понял, что это прозвучало как непрошенный совет, и сразу отвёл взгляд к собственным вещам.

— Извини. Не моё дело.

Александр секунду помолчал, потом натянул куртку.

— Всё нормально. Днём платят меньше, а ночью обычно

спокойнее. И мне так удобнее.

Гавриил кивнул, хотя удобство видел здесь примерно то же, что в ночёвке под дождём: возможно, человек действительно привык, но продавать это как преимущество было смело.

Александр уже взялся за дверь, но задержался. — Гавриил. Если будете поливать вот это... — он обозначил подбородком подоконник, не пожелав ещё раз называть растение, — не лейте воду на мои книги.

— Чеснок пьёт немного. И я в курсе, как его поливать.

— В ваших методах земледелия я пока не уверен, поэтому обозначаю границы заранее.

Гавриил посмотрел на книги, отодвинул горшок от края подоконника на ширину ладони и вернулся к сумке. — Так устроит?

Александр оценил расстояние. — Пока да, — сказал он и наконец вышел.

Только после этого Александр вышел, дверь закрылась, и спустя несколько секунд его шаги стихли в коридоре.

Без соседа комната казалась больше. Гавриил посидел ещё немного, прислушиваясь к гулу общежития. Теперь можно было спокойно достать нож и разобрать остатки вещей, но он почему-то не торопился. Потом встал, проверил окно, машинально надавил на раму там, где сосед только что подтягивал крепление, и убедился, что теперь не шатается. Сделано было аккуратно. На подоконнике стоял чеснок, рядом

отвёртка, которую Александр забыл убрать, а за стеклом горели окна соседнего корпуса и фонари во дворе.

Телефон опять завибрировал. На этот раз Яромира прислала фотографию его бывшей комнаты. На кровати лежала куча её вещей, на столе стояли две кружки, а посередине пола красовался тот самый переставленный шкаф. Под фотографией было написано: «*Как сосед?*»

Гавриил посмотрел на дверь, на аккуратную половину комнаты и написал: «*Нормальный*». Подумал и добавил: «*Только чеснок почему-то не любит*».

Яромира ответила практически мгновенно: «*ВАМПИР*».

Гавриил фыркнул, отложил телефон и пошёл искать душ.

Этажом ниже Александр Завадский остановился на лестничной площадке, достал телефон и несколько секунд смотрел на пустой экран, не набирая номер. Потом убрал его обратно, тихо выругался и продолжил спускаться.

Уезжать из общежития из-за горшка чеснока было бы совершенно нелепо. Особенно при нынешних ценах на аренду.

Глава 2. Первая пара

Гавриил проснулся за несколько минут до будильника и ещё некоторое время лежал, не открывая глаз, прислушиваясь к чужим утренним звукам. Дома утро начиналось с веток, царапавших крышу, птиц, шагов на крыльце и иногда с Витольда, который считал: если сам встал в половине шестого, остальные тоже не имеют морального права спать. Здесь же за стеной кто-то яростно чистил зубы под музыку, в коридоре хлопали двери, сверху снова двигали ту самую мебель, которую, судя по продолжительности процесса, собирались переставить из одного конца комнаты в другой по частям, а возле окна негромко дребезжало что-то металлическое. Гавриил открыл глаза, несколько секунд смотрел на незнакомый шкаф, потом вспомнил, где находится, и только после этого повернул голову к соседней кровати.

Она была пустой. Покрывало лежало ровно, подушка выглядела так, словно к ней со вчерашнего дня никто не прикасался, а на столе Александра рядом с шахматами стояла вчерашняя кружка. Гавриил нашарил телефон, увидел шесть сорок две и, пока отключал будильник, обнаружил четыре сообщения от семьи: мать спрашивала, не замёрз ли он ночью, отец — нашёл ли учебный корпус, Витольд прислал фотографию разобранного карбюратора без пояснений, а Яромира ограничилась сообщением: Чеснок жив?

Гавриил приподнялся на локте и посмотрел на подоконник. Чеснок был жив и выглядел бодрее хозяина. «*Жив*», — написал Гавриил.

Яромира, которая по какой-то причине тоже не спала в семь утра, ответила сразу: «*А сосед?*» Гавриил перевёл взгляд на пустую кровать. «*На работе*». Три точки появились мгновенно. «*Всю ночь?*» Он написал: «*Да*». Сестра тут же прислала: «*ГАВР*».

Он подождал продолжения. «Он вампир».

Гавриил потёр лицо ладонью. «*Ты вчера уже шутила*». Сестра тут же возразила: «*Вчера у меня была гипотеза. Теперь есть факты*». Он написал, что у Александра ночная смена в гостинице. Яромира печатала дольше обычного. «*Очень удобно*».

Гавриил отложил телефон, пока сестра не предложила проверить соседа серебром, святой водой или семейным способом, который Витольд называл «просто спросить и посмотреть, как дёрнется». В их доме шутки про нечисть вообще редко оставались только шутками, особенно если Яромире становилось скучно. Но устраивать соседу проверку Гавриил не собирался. Человек пока всего лишь работал ночью. В городе, насколько Гавриил успел заметить за один вечер, люди вообще делали много странного добровольно: жили на пятом этаже без лифта, платили за воду в бутылках при наличии крана и заказывали еду из места в трёх кварталах от дома вместо того, чтобы пройти туда ногами.

Он сел, потянулся и сразу упёрся коленом в сумку, которую вчера не успел разобрать до конца. В комнате было прохладно: закрытое Александром окно всё-таки пропускало тонкую полоску воздуха возле рамы, но после ночёвок в лесу это едва ли считалось холодом. Гавриил натянул футболку, достал полотенце и уже собирался идти в душ, когда дверь открылась.

Александр вошёл настолько тихо, что Гавриил заметил его только по мягкому щелчку замка. Вчера он уходил в чёрной рубашке, сейчас на ней появились едва заметные складки у локтей, волосы были чуть влажными от утреннего тумана, а под глазами залегли тени, которых вечером вроде бы не было. При этом выглядел Александр всё равно неприлично прилично для человека, который только что отработал ночь: Гавриил после одного дежурства с отцом у старого кордона в пятнадцать лет вернулся домой в таком состоянии, что мать сначала накормила его, а потом спросила, почему на куртке мох.

Александр закрыл за собой дверь, поставил на стол бумажный стаканчик и только тогда заметил, что сосед уже не спит.

— Доброе утро.

— Для кого как, — Гавриил посмотрел на него внимательнее. Александр держался прямо, но куртку стягивал медленно, словно и это требовало сил. — Ты вообще домой заходишь между работой и учёбой или это уже считается?

— Я живу здесь. Формально это и есть заход домой. — Александр снял куртку, аккуратно расправил её и повесил на спинку стула.

— Я про поспать.

— Это роскошь для людей с удачным расписанием.

Он говорил спокойно, но, снимая часы, промахнулся мимо края стола и поймал их уже почти у пола. Гавриил сделал вид, что не заметил: человек и без него наверняка прекрасно понимал, насколько бодр. Александр выпрямился, на секунду прикрыл глаза и потянулся к стаканчику.

— Кофе? — спросил Гавриил, кивнув на стакан.

— Нет, отсрочка до большой перемены. Сто восемьдесят рублей.

Гавриил покосился на наклейку с названием напитка.

— За кофе?

— За возможность не умереть лицом в конспект на первой паре.

— За сто восемьдесят можно два дня есть.

Александр сделал глоток и поморщился, видимо, напиток успел остыть.

— Если вы умеете два дня есть за сто восемьдесят рублей, я готов рассмотреть вас как финансового консультанта.

— Крупа, картошка, яйца, — Гавриил начал загибать пальцы, но Александр остановил его движением стаканчика.

— Я передумал.

Гавриил хмыкнул и пошёл к двери с полотенцем через

плечо. Александр уже опустился на стул, но вдруг задержал взгляд на подоконнике. Чеснок стоял там же, где вечером, и никаких попыток приблизиться к соседской территории за ночь не предпринимал.

— Он пережил ночь, — сообщил Гавриил, проследив за этим взглядом. — Можешь не волноваться.

— Я не волновался. — Александр поднял стакан ко рту, но пить почему-то не стал.

— Сестра интересовалась, — Гавриил поправил сползшее полотенце.

— Ваша сестра знает о растении?

— Она в курсе всех важных событий моей жизни.

Александр опустил стаканчик.

— Мне начинать беспокоиться?

— Пока нет. Она живёт далеко.

— Обнадёживает именно слово «пока», — пробормотал Александр ему вслед. Гавриил усмехнулся и вышел в коридор.

По дороге в душ Гавриил заглянул в туалет в конце коридора. Над тремя раковинами там висело одно широкое зеркало, перед которым уже толкались двое первокурсников. Он дождался, пока один освободит место, обнаружил на щеке след от подушки, пригладил волосы мокрой ладонью и решил, что для первого учебного дня этого достаточно.

Душ на четвёртом этаже подтвердил слова Александра почти сразу. Вода сначала была ледяной, затем на несколько

секунд стала такой горячей, что Гавриил отдернул руку, после чего окончательно выбрала холодную сторону и больше мнения не меняла. Соседняя кабинка включилась минутой позже, давление упало почти до нуля, а из-за перегородки донеслось искреннее: «Да что ж ты, зараза», адресованное, судя по всему, системе водоснабжения. В лесу водные процедуры иногда состояли из речки при плюс двенадцати, поэтому жаловаться Гавриил не собирался, но городской комфорт постепенно начинал казаться ему понятием философским, почти мифическим.

Когда он вернулся, Александр уже сменил рубашку, умылся и сидел у стола, пытаясь привести волосы в порядок мокрой расчёской. Кофе стоял рядом, а на кровати лежала раскрытая сумка с тетрадями. Одну прядь он приглаживал уже в третий раз, каждый раз пропуская торчавший кончик. Гавриил промолчал.

— Ты правда сейчас на пары пойдёшь? — Гавриил бросил полотенце на спинку своей кровати.

— Я вчера недостаточно убедительно это сказал? — Александр посмотрел на него через плечо и медленно провёл расчёской по волосам.

— Я надеялся, что это шутка.

— К сожалению, моя жизнь обладает чувством юмора значительно хуже моего.

Гавриил открыл шкаф и достал чистую рубашку. Сегодня им только предстояло познакомиться с группой и куратором,

но мать настояла, чтобы он взял хотя бы одну «приличную вещь, а не эти твои кофты». Рубашка помялась в дороге, и Гавриил уже собирался надеть футболку, когда Александр, всё ещё пытаясь справиться с волосами, сказал:

— Не советую.

— Что?

— Марченко ведёт у первокурсников вводную пару. Она считает, что первое сентября продолжается примерно до ноября и студент обязан выглядеть соответственно. — Тот кивнул на футболку у него в руке.

— А если не обязан? — Гавриил посмотрел на рубашку, потом на Александра.

— Тогда узнаете всё о понятии «первое впечатление».

— Ты её боишься? — Гавриил развернул рубашку и попробовал ладонью разгладить воротник.

— Я уважаю чужую способность испортить мне семестр. — Александр наконец отложил расчёску и повернулся к нему, опираясь ладонью о край стола.

Это было разумно. В семье Гавриила похожий принцип применяли к медведям, болотам и матери, если она говорила «решай сам» особенно спокойным голосом. Он надел рубашку, хотя воротник неприятно тёр шею, и принялся искать нужную тетрадь.

Из сумки всё-таки пришлось достать оставшиеся вещи, потому что нужная тетрадь оказалась на дне. Гавриил присел рядом, выгребая на покрывало зарядку, свёрнутые нос-

ки, аптечку и маленький кожаный футляр, который отец положил между ними перед самым отъездом. Футляр был старый, потёртый по углам, с выжженным на клапане знаком — кругом, пересечённым тремя короткими линиями. Гавриил видел его всю жизнь: тот же знак стоял на ножнах у отца, на старом сундуке Витольда и на металлической коробке в мастерской, где хранились вещи, которые детям раньше определённого возраста трогать не разрешали. Для Гавриила это была привычная семейная отметка: чужую вещь с таким знаком он бы узнал сразу. Кто первым начал его ставить, он никогда не спрашивал.

Гавриил открыл футляр, проверяя, всё ли на месте. Небольшой складной нож, моток тонкой проволоки, коробочка спичек в водонепроницаемой оболочке, несколько таблеток для обеззараживания воды, игла с крепкой нитью, маленький пузырёк антисептика. Отец называл это дорожным набором. Мать называла набором человека, который принципиально отказывается признать существование аптек и магазинов.

— Вы в поход собрались? — голос Александра прозвучал уже ближе.

Гавриил поднял голову. Александр стоял у своего стола с тетрадью в руке, но взгляд задержал на выжженном знаке. Гавриил повернул клапан к нему.

— Нет. Отец сунул на всякий случай.

— Семейная вещь? — Александр перевёл взгляд на его

лицо, затем чуть наклонился, чтобы лучше рассмотреть футляр.

— Ага.

— Старая?

Гавриил пожал плечами, складывая всё обратно.

— Не знаю. Футляр точно старше меня. Знак у нас на половине вещей стоит. Домашний.

Александр провёл большим пальцем по краю тетради и опустил её в сумку.

— Практичная семья.

— Очень, — Гавриил закрыл футляр и положил его поверх вещей в раскрытую сумку. — У нас если вещь пережила двоих хозяев, её уже считают почти новой.

Александр усмехнулся, затягивая молнию на своей сумке.

— Это многое объясняет.

— Что именно?

— Пакет грибов, кабана и растение.

— Оно тут вообще ни при чём. — Гавриил посмотрел на чеснок.

— Оно всегда ни при чём, — сухо заметил Александр и закинул сумку на плечо. — До тех пор, пока не оказывается на общем подоконнике.

Гавриил убрал тетрадь в рюкзак. Футляр и правда был старый, а Александр учился на архивном деле — может, поэтому и заинтересовался. Спрашивать сейчас, когда сосед уже стоял у двери с сумкой, не хотелось.

До учебного корпуса они дошли вместе, потому что Александр всё равно шёл туда же и без особого энтузиазма признал, что короткая дорога через двор, которую вчера описывал, новичку с первого раза может показаться «недостаточно очевидной». На деле она действительно оказалась недостаточно очевидной: нужно было выйти через заднюю дверь общежития, пройти между гаражами, свернуть возле металлической будки с надписью «**ТЕПЛОСЕТЬ**» и попасть к калитке в старой кирпичной ограде. Гавриил, привыкший ориентироваться по рельефу, деревьям и солнцу, испытывал странное раздражение от того, что в городе единственным заметным ориентиром был мусорный бак в форме лягушки.

Утро оказалось серым и сырым. Ночью, похоже, прошёл дождь: асфальт блестел, в трещинах возле бордюров стояла вода, а низкие тучи цеплялись за сопки за городом. За учебным корпусом начинался склон, дальше виднелись крыши гаражей, трубы и тёмная полоса леса, и от одного её вида Гавриилу стало немного легче. Чернореченск всё-таки не отрезал его от привычного мира, просто отодвинул его за несколько кварталов.

Александр шёл рядом молча и пил остатки кофе. Возле калитки он неожиданно замедлил шаг.

— Если Марченко спросит, почему вы опоздали, не говорите, что вас повёл старшекурсник короткой дорогой.

Гавриил посмотрел на часы.

— До пары двенадцать минут. Мы успеваем.

— Если вы знаете, где двести шестая, — Александр кивнул на корпус. — А вы пока не знаете.

Он ускорился, поправляя ремень сумки на плече, и Гавриил секунду смотрел ему вслед, чувствуя одновременно раздражение и невольное веселье: Александр после бессонной ночи двигался так, будто опаздывать было личным оскорблением.

— Ты всегда так ходишь после ночной смены? — спросил Гавриил, догоняя его.

— Как?

— Будто за тобой гонятся.

— Это кофе за сто восемьдесят. Я обязан получить от него хотя бы видимость эффекта. — Александр отпил кофе, не сбавляя шага.

Главный корпус изнутри оказался ещё старше, чем снаружи. Высокие окна, потёртые каменные ступени, тяжёлые деревянные двери, которые в некоторых местах пережили ремонт исключительно из упрямства, и белёные стены с фотографиями выпускников создавали странное ощущение серьёзного учреждения, пока взгляд не опускался на пластиковую урну с отломанной крышкой или объявление возле гардероба: **«СТУДЕНТЫ! НЕ СУШИТЬ ОБУВЬ НА БАТАРЕЯХ! ПОЖАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ — НЕ ШУТКА»**. Под потолком тянулись новые кабель-каналы, поверх старого паркета лежали дорожки, у лестницы стоял терминал электронной очереди, который почему-то был выключен, а

за стеклянной дверью читального зала виднелись высокие книжные шкафы почти до потолка.

Вот там Гавриил задержал взгляд. Библиотека занимала часть первого и второго этажей старого крыла. Через открытую дверь он успел увидеть лестницу с металлическими перилами, длинные столы под зелёными лампами и шкаф с карточным каталогом, который выглядел так, будто его забыли убрать лет тридцать назад.

— Она работает? — спросил Гавриил.

— Библиотека? К сожалению для библиотекаря, да. — Александр остановился на ступеньку выше и проследил за его взглядом.

— Почему к сожалению? — Гавриил чуть подался к открытой двери, но Александр уже повернулся к лестнице.

— Потому что туда иногда приходят студенты.

— Я серьёзно. — Гавриил усмехнулся.

— Я тоже. В старом фонде много интересного, если вам такое нравится. Краеведение, карты, местные издания. Часть вообще не оцифрована.

Гавриил ещё раз посмотрел на книжные шкафы. Старые карты ему быгодились: интересно, как тут проходили дороги и где лес рубили раньше. Он собирался спросить, есть ли что-нибудь по лесному хозяйству района, но внизу хлопнула дверь, и в коридор вошли несколько преподавателей. Александр посмотрел на часы.

— Потом. Вам направо, двести шестая. Мне наверх.

— Ты хоть кофе допей.

— Видите? Работает. — Александр посмотрел в пустой стакан, который всё ещё держал в руке.

— Гавриил. — Он бросил стакан в урну и поднялся ещё на две ступеньки, но затем остановился.

— Что?

Александр кивнул на коридор.

— Двести шестая в конце. Не перепутайте с двести восьмой, там бухгалтеры.

— И что?

— Вы вчера уже чуть не поступили в стоматологию. Помните, за ужином рассказывали?

— Я туда не заходил. — Гавриил проводил его взглядом.

— Благодаря чужому предупреждению, — донеслось сверху.

Гавриил покачал головой и пошёл искать двести шестую. Зря рассказал. С этим соседом ему ещё жить.

Марченко действительно существовала и действительно считала рубашку хорошей идеей. Это Гавриил понял, когда парень у окна в футболке с огромной надписью «**NO RULES**» получил от неё такой взгляд, что минут через пять застегнул поверх футболки клетчатую рубашку, которую до этого носил на поясе. Сама Валентина Борисовна была маленькой, сухой женщиной лет пятидесяти с короткими светлыми волосами и голосом человека, привыкшего перекрывать аудиторию без микрофона. Она не стала устраивать зна-

комство по кругу, за что Гавриил был ей заранее благодарен, зато выдала расписания, объяснила, где получать учебники, трижды предупредила о пропусках и сообщила, что название специальности «лесное и лесопарковое хозяйство» не означает, что студенты будут четыре года гулять среди ёлок.

— Если кто-то поступил сюда, потому что любит природу, — сказала она, обводя аудиторию взглядом, — это прекрасно. К концу первого семестра вы узнаете, любит ли природа вас.

Кто-то на заднем ряду тихо засмеялся.

Гавриил тоже улыбнулся. Вот здесь он чувствовал себя увереннее. Лес, почвы, породы деревьев, техника безопасности — всё это было знакомо хотя бы в общих чертах, пусть домашнее обучение и семейная практика отличались от того, что преподавали официально. Уже на второй половине пары он поймал себя на том, что сомневается вслух в возрасте сосны на фотографии, которую Марченко вывела на проектор, и только потом вспомнил, что первый день вообще-то не лучшее время демонстрировать привычку поправлять старших.

— Ратников, — Валентина Борисовна посмотрела на него поверх очков, — вы уверены?

Гавриил ещё раз посмотрел на фотографию. Ствол был снят неудачно, кроны почти не видно. Дома он бы сказал, что сосна постарше, но назвать возраст точно по такому снимку не взялся бы.

— Мне лет на сорок пять кажется. По коре. Но тут плохо видно.

— В методичке тридцать восемь. — Марченко увеличила изображение. — Может выглядеть старше, условия роста разные. Кору заметили правильно, а вот возраст по ней до года не определяют. Запишите вопрос, на практике вернётся.

Гавриил кивнул и потянул к себе тетрадь. Спорить с этим было нечего; с отцом он тоже не раз ошибался, пока не доходило до подсчёта колец на пне.

Парень рядом повернулся к Гавриилу, подперев подбородок кулаком.

— Ты реально по коре возраст видишь?

— Примерно, — Гавриил покосился на него и дописал вопрос. — Как видишь, не очень.

Парень ещё раз посмотрел на фотографию.

— Я по коре только понимаю, что это дерево.

Гавриил хотел сказать, что для начала тоже неплохо, но Марченко уже постучала ручкой по столу и вернула внимание аудитории к расписанию.

На перемене выяснилось, что половина группы приехала из самого Чернореченска или соседних посёлков, ещё несколько человек жили в общежитии, а того самого парня звали Антоном, и он поступил на лесное хозяйство потому, что «дядька обещал потом устроить в нормальную контору». Гавриил не успел выяснить, что считалось ненормаль-

ной, потому что в дверях появился Александр.

В руке у него снова был бумажный стакан кофе. Гавриил отодвинул стул, давая соседу пройти.

— Уже второй? — Гавриил кивнул на стакан в руке Александра.

Тот посмотрел на кофе так, будто обнаружил его только сейчас. — Первый закончился.

— Я видел. Поэтому и спрашиваю.

Антон перевёл взгляд с одного на другого и сунул руки в карманы. — Вы знакомы, что ли?

— Соседи, — ответил Гавриил.

Александр вместо комментария достал из сумки тонкую папку и протянул ему. — Вы забыли.

Гавриил открыл её и увидел документы, оставленные вечером на столе. — Чёрт.

— Примерно это я и сказал, когда их нашёл.

— Спасибо. — Папка едва поместилась в рюкзак, и Гавриилу пришлось прижать её учебником.

Александр уже собирался уйти, но на секунду упёрся свободной рукой в край парты и прикрыл глаза. Гавриил придержал стул.

— Саш, тебе нормально? Может, сядешь?

— Великолепно. — Александр выпрямился сразу.

— Ну да, заметно. — Гавриил не убрал руку со спинки стула, но настаивать не стал. Антон тем временем отошёл к окну: там кто-то из группы показывал расписание следую-

щей недели.

Гавриил положил папку в рюкзак.

— Тебе до скольких сегодня?

— До двух.

— Потом спать?

Александр сделал глоток кофе.

— Если соседи позволяют.

Гавриил застегнул рюкзак.

— Я тихий.

— Вчера вы привезли чеснок.

— Он тоже тихий, — Гавриил убрал стул обратно под парту.

— Тогда мои шансы растут. — На этот раз Александр всё-таки улыбнулся, и усталость на мгновение отступила от его лица.

Он ушёл прежде, чем Гавриил успел продолжить, и через несколько секунд исчез за поворотом коридора. Антон вернулся к парте, проводил его взглядом и спросил:

— Он всегда такой?

Гавриил задумался. Знал Александра он меньше суток, поэтому статистика была ненадёжной.

— Наверное.

— Уставший? — Антон переступил через чей-то рюкзак и сел рядом.

— Язвительный.

— А, ну бывает, — тот кивнул и потянул к себе забытую

тетрадь.

После второй пары Гавриил отнёс документы, получил читательский билет, успел потеряться между двумя корпусами и в конце концов вышел не к столовой, куда собирался, а во внутренний двор. Здесь старое крыло техникума выглядело иначе: кирпичная кладка потемнела от времени, несколько окон первого этажа были заложены, вдоль стены росли тополя, а в дальнем углу виднелась тяжёлая металлическая дверь без таблички. За корпусом поднималась сопка, на ней стояли несколько старых домов, а выше начинался лес. Если убрать машины и пластиковые окна, место вполне могло выглядеть так же лет пятьдесят назад.

Гавриил задержался ненадолго, больше из привычки запоминать территорию. Где выходы, где забор ниже, откуда видно дорогу, куда уходит пожарная лестница. В общине этому учили раньше, чем правильно пользоваться компасом: новое место сначала нужно понять, а уже потом считать безопасным. В городе привычка казалась немного лишней, но избавляться от неё он не собирался.

Дверь старого крыла открылась. Из неё вышел Александр. Гавриил едва не окликнул его, но остановился, потому что тот был не один. Рядом шёл мужчина лет пятидесяти с небольшим, невысокий, сухощавый, в тёмном жилете поверх рубашки. Он держал под мышкой папку и что-то говорил Александру, показывая на верхние окна корпуса. Александр слушал, временами отвечал, затем мужчина передал

ему несколько листов.

Гавриил не стал перебивать: похоже, преподаватель что-то объяснял студенту. Он уже собирался уйти, когда Александр заметил его и оглянулся на дверь основного корпуса.

— Вы заблудились, — сказал Александр.

Гавриил подошёл ближе.

— Ищу столовую.

Мужчина в жилете поправил папку под мышкой.

— До столовой вы не дошли один двор. Первый день?

— Мужчина говорил негромко, с лёгкой насмешкой; вблизи Гавриил заметил тонкие очки и седину на висках. — Аркадий Павлович Лебедев, веду историю.

— Гавриил Ратников. Первый курс, лесное хозяйство.

— Последнее я уже знаю. — Лебедев пожал ему руку и коротко посмотрел на Александра.

Гавриил проследил за этим взглядом. — Быстро ты.

— Мы обсуждали общежитие, — отозвался Александр, слишком внимательно читая выданный лист.

— А меня зачем было обсуждать?

Лебедев усмехнулся. — Вы теперь часть общежития. От этого разговора уйти трудно.

Лебедев улыбнулся и повернулся к нему.

— Завадский, проводите человека, пока перемена не закончилась.

Гавриил хмыкнул. По крайней мере, этот преподаватель не стал допытываться, зачем он пошёл не туда, и можно бы-

ло уже поестъ. Лебедев тем временем поправил папку под мышкой.

— Когда немного освоитесь, загляните в библиотеку, — продолжил Лебедев. — Краеведческий фонд у нас хороший, по лесному хозяйству тоже найдётся. На экскурсии покажут.

— Я только вчера приехал.

— Поэтому сегодня достаточно найти столовую и не перепутать корпуса. Город никуда не денется.

— Не пугайте человека в первый день, — Александр сложил листы, постучал ими по ладони и убрал в папку.

— Я его кормить отправляю, а не в шахту. — Лебедев посмотрел на часы и направился к главному корпусу.

Гавриил дождался, пока преподаватель отойдёт. — Нормальный вроде.

— Довольно смелое заключение после полутора минут общения.

— А ты его не любишь? — Гавриил заглянул соседу в лицо и тут же поправился: — Ладно. Не отвечай. У тебя что-то с лицом было, пока он говорил.

Александр застегнул папку. — По вашему мнению, у меня с ним постоянно что-нибудь происходит.

Александр поправил папку под мышкой.

— После ночной смены с ним редко бывает что-нибудь хорошее.

Гавриил фыркнул, но расспрашивать дальше не стал.

Александр тоже едва заметно усмехнулся, затем кивнул в

сторону арки между корпусами.

— Столовая там. Если снова уйдёте не туда, дальше будет спортзал, потом котельная, а потом, насколько я понимаю ваш талант, стоматология.

— Она вообще в другую сторону.

— Во вчерашнем рассказе это вам не помешало.

Они дошли до столовой вместе. Александр покупать еду не стал, сославшись на то, что после смены ему «сейчас проще кофе», но у витрины с пирожками всё-таки задержался. Гавриил вспомнил вчерашнюю добавку. Может, сосед и правда не хотел есть, а может, прикидывал, сколько денег осталось после двух стаканов. Спрашивать при кассире было бы так себе идеей.

Гавриил взял два пирожка с картошкой и чай. Когда они сели, один пирожок он положил на салфетку перед Александром.

— Я не просил, — тот остановил его руку.

— Знаю. Мне два много, — Гавриил подвинул к себе чай и занялся сахаром.

Это была неправда. Два было нормально, а при желании он съел бы четыре, но говорить «ты всю ночь работал и ничего не ел» почему-то показалось хуже.

— Там чеснока нет, — добавил Гавриил. Александр продолжал смотреть на пирожок с выражением человека, которому предложили подписать сомнительный договор.

Двое студентов за соседним столом обернулись. Алек-

сандр прикрыл глаза и двумя пальцами подвинул пирожок ближе к себе.

— Ради всего святого, не говорите это вслух в столовой.

— А что такого? — Гавриил обернулся следом за ним.

— Я хочу закончить этот семестр без прозвища.

Двое парней за соседним столом уже явно слушали, и Гавриил понизил голос.

— Какого?

— Любого, Ратников. — Александр разломил пирожок, и на салфетку посыпались крошки.

Гавриил спрятал улыбку за стаканом. Теперь главное было ничего не сказать, пока сосед не доест.

После своей последней пары Гавриил вернулся в общежитие и открыл дверь в комнату осторожнее обычного. Шторы на соседской половине были задёрнуты, вещи аккуратно сложены, рубашка висела на спинке стула, а из-под одеяла виднелась только тёмная макушка. Он уже взялся за оставленную у кровати сумку, но вспомнил утренние часы, которые Александр чуть не уронил. Разберёт потом.

Он снял ботинки в коридоре, занёс их в руках и поставил рюкзак на пол. Телефон тут же завибрировал. Яромира: «*Ну что?*» Гавриил сел за стол и написал: «*Что?*» Сестра уточнила: «*СОСЕД*».

Он посмотрел на спящего Александра. «Спит». Ответ пришёл мгновенно: «ДНЁМ».

Гавриил сжал губы, чтобы не рассмеяться вслух, и напи-

сал, что ночью сосед работал. *«Ты очень доверчивый»*, — заметила Яромира. Он ответил: *«Ты очень далеко»*. Сестра тут же прислала: *«Это временно»*.

Гавриил замер над экраном. *«В каком смысле?»* Яромира ничего не ответила, хотя сообщение прочла. Он подождал ещё немного, потом открыл переписку с матерью: *«Яра к вам никуда не отпрашивалась?»*

Убрав телефон, он достал тетрадь и заметил на столе маленький кожаный футляр. Утром он положил его поверх вещей в сумку — или всё-таки оставил рядом, пока доставал тетрадь? Гавриил заглянул внутрь: нож, спички и остальное лежали на своих местах. Он покосился на спящего соседа. Если Александр перекладывал футляр, потом скажет; будить из-за этого человека после смены было бы свинством. Гавриил убрал набор в ящик и открыл тетрадь, решив спросить вечером. На соседней кровати тихо скрипнула пружина, и он замер, прислушиваясь. Александр повернулся к стене и снова затих.

Глава 3. Местная

Гавриил очнулся над конспектом. Последние двадцать минут он смотрел примерно в одно и то же место страницы, но не запомнил ни строчки. За окном серый сентябрьский день незаметно сполз к вечеру: верхушки тополей во дворе почти сливались с мокрым небом, по стеклу ползли редкие капли. Александр всё ещё спал, повернувшись лицом к стене и натянув одеяло до плеч.

За это время Гавриил несколько раз успел сходить в коридор, вернуться, открыть шкаф, закрыть шкаф, уронить ручку и поймать собственную кружку в последний момент, когда та решила съехать с учебника, но сосед не проснулся ни разу. Гавриилу оставалось только завидовать: сам он спал крепко, однако привычка годами просыпаться от шагов возле дома или собачьего лая не позволяла полностью отключаться, если рядом кто-то двигался. Александр же выглядел человеком, который договорился с окружающей действительностью не существовать до определённого часа и собирался настойчиво требовать выполнения условий.

Телефон на столе завибрировал. Гавриил схватил его до второго сигнала. Мама.

Он покосился на соседнюю кровать, вышел в коридор и тихо прикрыл за собой дверь. Здесь было ненамного спокойнее: возле кухни двое парней спорили из-за сковороды,

дальше кто-то разговаривал по видеосвязи так, будто собеседник находился не в телефоне, а через футбольное поле, а из комнаты напротив доносилась музыка, которую дверь скорее символически обозначала как личное дело жильцов.

— Привет.

— Ты почему так тихо? — мать насторожилась сразу, едва услышав его голос. — Что случилось?

— Ничего. Сосед спит, — Гавриил прислонился плечом к стене.

— В шесть вечера?

— Он после ночной смены и учёбы.

— И давно он так работает? — спросила мать, пока Гавриил смотрел, как парень с кастрюлей пытается локтем открыть дверь кухни.

— Мам, я его вчера встретил. Откуда мне знать?

— Не огрызайся. Я просто спросила.

— Я не огрызаюсь, — он прикрыл глаза и потёр переносицу.

— Вот сейчас уже огрызаешься.

Дома этот разговор обычно продолжался до тех пор, пока кто-нибудь из братьев не проходил мимо и не становился новой целью, но здесь спасительного Витольда поблизости не было.

— Всё нормально, — сказал он уже спокойнее. — Заселился, на пары ходил, документы отнёс. Столовую нашёл.

— Сам?

— В смысле? — Гавриил открыл глаза.

— Ну ты вчера общежитие сорок пять минут искал.

— Откуда ты знаешь? — Он отнял телефон от уха, посмотрел на экран и снова приложил.

— Яромира рассказала. — В трубке зашуршал пакет.

— Яромира откуда знает?

— Ты ей сам написал, что заблудился.

— Я написал, что навигатор повёл через закрытый двор.

— Гавр, это называется заблудился.

Из кухни вышел парень с кастрюлей, услышал из динамика последнюю фразу и на ходу понимающе кивнул, словно полностью поддерживал неизвестную женщину в телефоне. Гавриил проводил его взглядом.

— Я не заблудился.

— Хорошо, — мать произнесла это с той снисходительностью, которой можно было вывести из себя даже отца. — А ешь нормально?

— Вчера ел.

— Сегодня?

Гавриил вспомнил пирожок в столовой, потом второй пирожок, который достался Александру, и понял, что перечисление получится не в его пользу.

— Сейчас пойду.

— Сейчас — это когда?

— Сейчас.

— Не через три часа?

Он уже собирался сказать, что ему восемнадцать и кормить себя он технически способен, когда дверь комнаты открылась.

Александр появился на пороге сонный, растрёпанный и впервые за всё время знакомства настолько не похожий на человека, который даже в общезнании умудряется выглядеть собранно, что Гавриил невольно замолчал. Волосы у него с одной стороны примялись, ворот футболки перекосялся, а глаза открывались явно исключительно из чувства долга перед жизнью. Он посмотрел на Гавриила, потом на телефон у его уха и уже собирался вернуться в комнату.

— Разбудил тебя? — шепнул Гавриил. Мать слышала чужой голос быстрее, чем он успел отойти от двери.

— Это сосед? Дай ему трубку.

Гавриил закрыл глаза. Александр всё ещё стоял на пороге, придерживая дверь ладонью. — Нет, мам. Он только проснулся.

— Я просто поздороваюсь.

— Вы живёте в одной комнате — не значит, что его надо знакомить со всей семьёй через сутки.

Александр тихо кашлянул в кулак и отвернулся, но уголок рта у него заметно дёрнулся.

— Я слышу, что он там, — сообщила мать уже громче, словно расстояние до телефона было главной помехой знакомству.

Александр тихо кашлянул в кулак и отвёл взгляд в сторо-

ну, но уголок рта у него заметно дёрнулся.

— Я слышу, что он там, — сказала мать.

Гавриил посмотрел на соседа. Тот поднял обе руки и беззвучно произнёс: «Не втягивайте».

— Она хочет с тобой поздороваться, — Гавриил прикрыл микрофон ладонью. — Но я могу сказать, что ты пошёл умыться.

Александр поправил перекошенный ворот футболки и протянул руку.

— Давайте. Только недолго.

— Добрый вечер, — произнёс Александр, поднеся аппарат к уху и одновременно отступая в комнату, чтобы не стоять посреди коридора. — Да, Александр. Очень приятно... Да, всё хорошо... Нет, он ничего не сломал.

Гавриил вошёл следом и тихо закрыл дверь.

— Нет, ест он, — Александр перевёл взгляд на Гавриила.

— Что ты ей рассказываешь? — Гавриил нахмурился и протянул руку.

Александр поднял указательный палец, требуя тишины, и отвернулся к окну.

— Сегодня видел лично. Пирожок... Да, один.

— Дай сюда. — Он шагнул к соседу.

Александр легко ушёл от протянутой руки, придерживая телефон у плеча.

— Нет, картошку вчера тоже ел. Кабана. Да, вашего.

— Скажи ей, что сам половину съел. — Гавриил остано-

вился. Это уже было предательство.

— Я не обязан давать показания в вашу пользу, — Александр прикрыл микрофон ладонью.

— Ты уже даёшь.

— Тогда не мешайте.

— Александр? — донеслось из телефона.

— Да, простите. Он здесь что-то возмущается. — Александр убрал ладонь с микрофона.

Гавриил скрестил руки на груди и молча уставился на него.

— Конечно, передам, — Александр наконец протянул телефон обратно. — Ваша мама сказала, чтобы вы поели.

— Я и без перевода понял.

— И чтобы надели куртку, если пойдёте вечером.

— Ты мог не напоминать, — Гавриил забрал телефон.

— У меня профильное образование.

— Я всё слышу, — сказала мать, явно смеясь.

— Вот поэтому я и не хотел давать трубку.

— Хороший у тебя сосед.

— Рано делать выводы, — Гавриил посмотрел на Александра. Тот успел вернуться к кровати и теперь искал носки.

— Я тоже это слышу, — сухо заметил Александр, вытаскивая носок из-под стула.

Мать рассмеялась ещё сильнее. Под конец всё-таки ответила про Яромиру: никуда та не отпрашивалась. «А тебя дразнить ей нравится, ты же ведёшься».

После звонка Гавриил некоторое время молча стоял посреди комнаты с телефоном в руке, а Александр, не испытывая ни малейших признаков раскаяния, сел на край кровати и начал натягивать носки.

— Зачем ты ей сказал про пирожок?

— Она спросила, ели ли вы.

— Можно было сказать «да».

— Это была бы недостаточно точная информация. — Александр поднял глаза и разгладил складку на носке.

— А кабан?

— Она сама спросила, понравился ли.

— И ты, конечно, выдал полный отчёт. — Гавриил прищурился.

Александр встал и потянулся за джинсами.

— В следующий раз разговаривайте сами.

Гавриил уже открыл рот, чтобы предложить ему поместиться матерями, и осёкся. Вспомнил вчерашнее «у меня были родители».

— Ладно, живи, — сказал он и сунул телефон в карман.

— Как великодушно. — Александр застегнул джинсы.

— Но матери больше не докладывай.

— Ничего не обещаю.

— Тогда чеснок переедет на твою половину окна.

— Это шантаж. — Александр замер с ремнём в руках.

— Да.

— Очень грубый.

— Зато работает.

— Вы быстро адаптируетесь к цивилизации. — Александр посмотрел на подоконник, потом на Гавриила.

Тот хотел ответить, но взгляд зацепился за ящик стола.

— Кстати, футляр мой ты перекладывал? Я его вроде в сумке оставил.

— Он лежал сверху и съехал, когда я доставал ваши документы. Я положил его на стол.

— А, вот. Я уже думал, сам забыл. В следующий раз скажи, ладно?

— Хорошо. — Александр затянул ремень и взял куртку.

Через десять минут выяснилось, что холодильник на общей кухне действительно являлся формой коллективной собственности, как и предупреждала Маргарита Сергеевна. Подписанный ещё вечером контейнер с оставшейся картошкой стоял на месте, но банка сметаны, которую он купил утром, исчезла бесследно, а на полке рядом вместо неё появилась половина лимона в пакете и кастрюля с запиской **«НЕ ТРОГАТЬ!!!»**, причём три восклицательных знака явно свидетельствовали о предыдущем травматическом опыте хозяина.

— Поздравляю. — Александр придержал дверцу холодильника локтем и посмотрел на пустое место из-под сметаны.

— С чем? — Гавриил проверил соседнюю полку.

— С окончательным заселением. Пока у вас не украли еду

из общего холодильника, вы всё ещё гость.

— Маргарита Сергеевна сказала подписывать.

Александр открыл дверцу шире и внимательно осмотрел содержимое.

— Вы подписали.

— Да.

— Значит, преступник либо неграмотный, либо наглый.

— Или очень хотел сметану.

— Это не смягчающее обстоятельство.

Гавриил захлопнул холодильник чуть сильнее, чем соби-
рался. В лесной общине еда в принципе редко принадлежа-
ла одному человеку: если что-то лежало на общей кухне, ели
все, но там хотя бы было понятно, кто приготовил, кто при-
нёс и кому потом идти за новым мешком картошки. Здесь
неизвестный человек забрал сметану и растворился среди
сотни жильцов, что почему-то раздражало сильнее.

— Пойдёмте в магазин, — сказал Александр, заглядывая
в свой кошелёк.

— Я сам схожу.

— Я тоже собирался.

— Ты через сколько на работу? — Гавриил обернулся к
нему.

— Через час с небольшим.

— И опять до утра.

— Вы начали следить за моим графиком?

Александр убрал кошелёк в карман и первым вышел из

кухни.

— Трудно не следить, когда мы живём в одной комнате и ты спишь в то время, когда нормальные люди едят.

— Нормальные люди в общежитии едят в любое время, когда у них есть еда.

Это было сложно оспорить.

На первом этаже их перехватила Маргарита Сергеевна. Она стояла возле своего стола с отвёрткой в руке и пыталась открыть заднюю крышку небольшого вентилятора, который, судя по слою пыли, был старше половины студентов.

— Завадский, — сказала она, не поднимая глаз. — Ты ночью опять придёшь?

Александр застегнул куртку и проверил время на телефоне.

— Утром.

— Тогда учти: с пяти до восьми воду перекроют, сантехники придут. В душ соберёшься — не ори потом, что я не предупреждала.

— Я никогда не ору.

— В прошлом году, когда батарея потекла, кто сказал «да чтоб вас всех»? — Маргарита Сергеевна наконец подняла голову.

— Сказал. Не прокричал, — Александр чуть нахмурился.

Гавриил отвернулся, прикрыв рот ладонью. Маргарита Сергеевна перевела взгляд на него.

— А ты куда?

— В магазин.

— Куртку застегни.

Гавриил машинально посмотрел вниз. Куртка действительно была расстёгнута.

Он поднял глаза на Александра. Тот уже открыл дверь, но на лице появилось слишком знакомое выражение.

— Ни слова.

— Я ничего не сказал.

— Ты подумал.

— Это пока не запрещено правилами общежития.

Маргарита Сергеевна фыркнула и вернулась к вентилятору.

На улице моросил мелкий дождь, недостаточно сильный для зонта, но вполне достаточный, чтобы через десять минут волосы начали липнуть ко лбу. Александр повёл его не к магазину возле остановки, который Гавриил видел утром, а через два двора, мимо старой пятиэтажки и детского сада с нарисованными на заборе грибами, к небольшому супермаркету на первом этаже жилого дома.

— Здесь дешевле, — объяснил он, когда Гавриил посмотрел на вывеску.

— Ты цены во всех магазинах города знаешь?

— Только тех, где мне приходится покупать еду.

Внутри пахло хлебом, моющим средством и выпечкой из маленькой пекарни возле касс. Александр сразу взял корзину и пошёл так уверенно, будто маршрут между полками

входил в его учебную программу. Гавриил сначала последовал за ним, потом остановился возле ценника на яйца.

— Это нормально?

— Что? — Александр вернулся и наклонился к ценнику.

— Они золотые? — Гавриил показал на цену.

— Нет. Золотые были на прошлой неделе. — Александр посмотрел на упаковку.

— У нас дома за такие деньги можно купить... — Гавриил ещё раз прочитал цифры.

— Не надо, — Александр поднял ладонь. — Я не хочу знать, что у вас дома можно купить за эти деньги. Мне потом жить здесь будет ещё тяжелее.

Гавриил всё-таки взял упаковку подешевле. Александр тем временем положил в корзину макароны, чай, пачку крупы и долго стоял возле кофе, сравнивая две упаковки с разницей примерно в тридцать рублей. Утренний стакан за сто восемьдесят на фоне этого выглядел особенно нелогично.

— А утренний за сто восемьдесят — это что было? — спросил Гавриил, кивнув на кофе в его руке.

Александр сразу понял.

— Ошибка слабого человека после восьми часов работы.

— Дважды.

— Второй раз я уже был слабым человеком после десяти часов без сна.

Он положил более дешёвую пачку в корзину.

— Последовательность есть.

Они почти дошли до молочного отдела, когда кто-то сзади сказал:

— Завадский, ты ещё живой?

Александр остановился, придерживая корзину за ручку. Гавриил обернулся вместе с ним.

Девушка стояла возле холодильника с йогуртами, держа в одной руке корзину, а другой убирая за ухо выбившуюся каштановую прядь. Невысокая, в светлой куртке и красных кедах, она смотрела на Александра с улыбкой, от которой тот поморщился ещё сильнее.

— Светлана, — Александр слегка прикрыл глаза. — Вы каждый раз удивляетесь.

— Потому что каждый раз есть основания. Ты утром выглядел так, будто тебя вытащили из могилы и сразу отправили на пары.

Гавриил кашлянул. Александр тут же перевёл на него взгляд.

— Даже не начинайте.

— Я ничего.

— Это семейное?

— Наверное. — Гавриил понял, что речь о его способности выдавать мысли лицом.

— А это кто? — Девушка переставила корзину в другую руку и посмотрела на него.

— Мой новый сосед, — Александр произнёс это с таким оттенком обречённости, будто Гавриил был не человеком, а

последствием коммунальной аварии. — Гавриил Ратников.

— Света, — она протянула ладонь. — Просто Света. Я на туризме, второй курс. И да, имя у тебя настоящее? А то Завадский иногда знакомит людей так, будто составляет акт приёма-передачи.

— Настоящее, — Гавриил пожал ей руку.

— Хорошее. Редкое.

— Спасибо. — Он даже растерялся: обычно после имени приходилось что-нибудь объяснять.

Света покосилась на Александра.

— А ты вчера так ворчал. Нормальный же сосед.

Гавриил медленно повернулся к нему. Света прикусила губу.

— Ой, — сказала Света и так выразительно посмотрела на горшок, что Александр сразу поставил молоко в корзину.

— Светлана, не надо.

— Я ещё ничего не сказала.

— Именно это обычно бывает перед тем, как вы что-нибудь скажете.

Гавриил перевёл взгляд с неё на Александра. Света прикусила губу, но поздно. — Вы меня обсуждали?

— Это не была дискуссия, — ответил Александр после короткой паузы. — Я упомянул, что у меня появился сосед.

— С чесноком, — всё-таки вставила Света.

Александр повернул к ней голову. — Вас ведь просили не помогать.

— Нет, ты просто посмотрел на меня страшно. Для первокурсников, может, и работает.

Гавриил уже улыбался. — Значит, всё-таки обсуждали.

Александр потёр переносицу. — Ночью я сказал Светлане, что ко мне подселили человека с горшком чеснока. Это всё.

— Он пришёл на работу злой и минут десять смотрел в одну точку, — пояснила Света, не собираясь оставлять ему последнее слово. — Я спросила, что случилось.

— И ты решил начать с меня?

— С формальной точки зрения проблема началась с чеснока, — сказал Александр и переставил молоко подальше от горшка.

Александр закрыл глаза.

— Это была стойка регистрации.

— Но теперь всё понятно.

— Ты правда расстроился из-за чеснока? — Гавриил заглянул ему в лицо.

— Я не расстроился.

— Он так и сказал: «На подоконнике чеснок». — Света попыталась скопировать соседский тон, и Гавриил не выдержал.

— Без контекста это выглядит хуже, — заметил Александр.

— А какой там был контекст?

Александр открыл рот, подумал и закрыл.

Света тоже засмеялась. Александр дождался, пока они успокоятся, после чего взял с полки пачку творога и сухо произнёс:

— Рад, что моё бытовое несчастье так быстро объединило людей.

Света пошла рядом с ними к кассам, потому что ей, как выяснилось, тоже нужно было в общежитие — не жить, а забрать у подруги зарядку. За следующие пять минут Гавриил узнал о Чернореченске больше, чем за предыдущие сутки. Света говорила быстро, но не бестолково, перескакивая с одного места на другое только потому, что в её голове всё явно соединялось огромной сетью знакомых, историй и городских маршрутов: возле старого кинотеатра хорошая пекарня, но после восьми там почти ничего не остаётся; в автобус номер семь лучше не садиться утром, если есть выбор; через железную дорогу есть рынок, где овощи дешевле, если прийти к закрытию; в третьем корпусе техникума окна зимой продувает так, что преподаватели читают лекции в пальто; а на сопку за городом студенты ходят фотографироваться, хотя местные почему-то предпочитают не задерживаться там после темноты.

Про сопку Гавриил запомнил. Таких историй вокруг любого леса хватало, особенно если подросткам нужно было объяснить родителям, почему домой пришли в три часа ночи. Но Света сама здесь жила; интересно, что именно она слышала.

— Почему не задерживаются? — спросил он, когда они уже подошли к кассе.

— Кто? — Света начала выкладывать покупки на ленту.

— На сопке.

— А, это. Да ерунда, наверное.

— Какая? — Гавриил поставил корзину у кассы.

— Городские байки. Там раньше что-то было, то ли посёлок шахтёров, то ли служебные дома, потом половину снесли. Говорят, ночью в лесу кто-то ходит и фонари видно между деревьями.

Гавриил машинально посмотрел на Александра. Тот стоял перед кассой и доставал банковскую карту, никак не реагируя на разговор.

— Там вообще люди ходят? — уточнил Гавриил.

— Наверное. А кто ещё? — Света пожала плечом. — У нас Чернореченск, не Сайлент Хилл. Хотя Петровича-электрика ночью встретишь — тоже испугаешься. Он вечно лезет в темноту без фонаря, а потом орёт из-за угла: «Посвети!»

Александр приложил карту к терминалу. — Не слушайте её. Сейчас появится девушка в белом у железнодорожного моста.

— Не в белом, а в светлой куртке. И там правда кто-то ходит.

— Пьяные студенты.

Света поправила ремень сумки. — Ты сам там ночью был? Александр забрал чек и тщательно сложил его пополам.

— У меня есть работа.

— То есть не был, — заключила она и повернулась к Гавриилу. — В общем, я тебе потом нормально расскажу.

— Я уже жалею, что вы познакомились.

— Поздно, — сказала Света. Гавриил поднял пакет с продуктами, показывая, что его такой порядок вполне устраивает.

Александр посмотрел на обоих и тихо вздохнул.

По дороге обратно Света действительно продолжала рассказывать, но Гавриил постепенно перестал различать, где заканчиваются полезные сведения и начинаются местные легенды. В её версии у каждого второго двора была история, у каждого третьего дома — бывший жилец, который «там что-то видел», а половина заброшенных объектов Чернореченска существовала исключительно затем, чтобы школьники ходили туда фотографироваться и потом утверждали, что на снимке появилась лишняя фигура. При этом Света знала точные адреса, даты закрытия, старые названия улиц и могла без телефона показать короткую дорогу через квартал, чем сразу заслужила у Гавриила больше доверия, чем городской навигатор.

— Ты краевед? — спросил он, когда они остановились возле перехода.

— Неофициально, — Света поправила капюшон, который ветер всё время сдувал. — Я фотографии старые собираю, по заброшкам иногда хожу, паблик маленький веду. Там в

основном человек сто двадцать, из них тридцать — мои родственники и ещё двадцать пришли ругаться, что раньше город был лучше.

— А сейчас хуже?

— Конечно. Раньше трава была зеленее, люди добрее, а завод выбрасывал в реку исключительно витамины.

Александр тихо усмехнулся. Света тут же ткнула в него пальцем.

— Вот, он тоже читает.

— Вы присылаете мне ссылки.

— И ты открываешь.

— Иногда случайно.

— И комментарии знаешь.

Александр отвёл взгляд к светофору.

Гавриил покосился на соседа. Света, похоже, давно привыкла к его взглядам и сухим ответам. И Александру это подходило: он мог сколько угодно вздыхать, но продолжал идти рядом и даже вступать в разговор, когда его не спрашивали. Вчера Гавриил решил было, что тот вообще предпочитает молчать.

Возле общежития Света остановилась.

— Ты вечером опять работаешь? — спросила она у Александра, придерживая дверь подъезда.

— Да.

— Тогда поторопись, — она посмотрела на часы.

— Я успеваю. — Александр тоже взглянул на время и едва

заметно нахмурился.

— До гостиницы двадцать минут.

— Семнадцать.

— Если бежать.

— Я быстро хожу.

— Будто за тобой гонятся. — Гавриил посмотрел на него.

Александр повернулся к нему. Света засмеялась, хлопнув ладонью по ремню сумки.

— Всё, он мне нравится. Оставь соседа, — решила Света.

— Я не могу его оставить. Он живёт со мной, — напомнил Александр и открыл дверь общежития, пропуская её вперёд.

Гавриил зашёл следом. — Мы знакомы минут сорок, а ты уже распоряжаешься моей жилплощадью.

— Именно скорость и беспокоит, — отозвался Александр.

Маргарита Сергеевна оторвалась от телевизора и посмотрела на Свету. — На третий?

— На четвёртый, к Лерке. Я на пять минут.

Комендант сверилась с часами. — До десяти. А твои пять минут я знаю: выйдешь через сорок.

Света улыбнулась ей с видом человека, которого поймали, но пока не выгнали. — Вы меня хорошо знаете.

— К сожалению, — сказала Маргарита Сергеевна и вернулась к телевизору.

Она побежала к лестнице, но на второй ступеньке обернулась к Гавриилу.

— Если хочешь, завтра покажу нормальную столовую возле второго корпуса. И библиотеку могу, там тётя Нина не любит новичков, пока ей не скажешь, что от меня.

— Хорошо.

— И паблик скину. Дай номер.

Гавриил продиктовал, а Света быстро набрала его у себя и позвонила. Телефон в кармане завибрировал.

— Вот, сохраняй. — Света протянула Гавриилу телефон.

Александр проверил, на месте ли ключи. — Не надо ему ваш паблик. У человека первый учебный день.

— Он уже закончился.

— Тем более.

Света убрала телефон только затем, чтобы удобнее перехватить сумку. — Боишься, что он узнает про Чернореченск что-то интересное?

— Я боюсь, что через неделю он полезет на заброшенную шахту из-за слова «легенда».

Гавриил нахмурился. — Я вообще-то здесь. И сам решу, куда лезть.

Александр перехватил пакет и направился к выходу. — Вот и решите не лезть. А мне пора на работу.

Через несколько минут Александр ушёл, предварительно убрав продукты в холодильник и подписав свой пакет такой крупной надписью «ЗАВАДСКИЙ», что, по мнению Гавриила, для полного эффекта не хватало только печати и номера паспорта. Гавриил поднялся в комнату один, расставил по-

купки и открыл ящик с футляром. Теперь он хотя бы знал, как тот оказался на столе. А про знак стоило спросить отца: сам Гавриил помнил его с детства, но никогда не интересовался, откуда он взялся.

Телефон завибрировал сам. Гавриил увидел имя отца и усмехнулся.

— Да.

— Как первый день?

— Нормально.

— Это я уже от матери слышал. Она сказала, у тебя сосед хороший.

— Они разговаривали три минуты. — Он сел на кровать и потёр ладонью колено.

— Твоей матери хватает.

— Я заметил.

Отец на том конце тихо усмехнулся. Потом что-то металлическое звякнуло, и Гавриил представил мастерскую дома: открытая дверь, верстак, запах масла, старое радио у окна. На секунду стало неожиданно тоскливо, не сильно, скорее как от мысли о вещи, которая всегда лежала на своём месте и вдруг оказалась далеко.

— Учёба как? — спросил отец.

— Пока вводные занятия. Ещё с преподавателем про сосну поспорил.

— В первый день? — Отец даже перестал возиться с чем-то на верстаке.

— Мне по фотографии показалось, что она старше.

— По фотографии?

— Да понял уже. Марченко объяснила, — Гавриил почесал затылок. — Я потом спросить хотел, откуда у них возраст в методичке.

— Вот с этого и начинай.

Гавриил провёл пальцем по краю стола. За окном совсем стемнело, в соседнем корпусе зажигались окна, а на подоконнике возле стекла темнели зелёные перья чеснока.

— Пап, а откуда у нас знак на футляре? — Гавриил выдвинул ящик и достал кожаный чехол.

— Ты про клеймо?

— Ага. Оно только у нас такое?

Отец ненадолго замолчал.

— Не скажу с ходу. Посмотрю в старых записях, — ответил отец. — А почему спрашиваешь?

— Сосед заметил знак и спросил, семейный ли. Я сказал, что да.

— Правильно. Только набор не бросай где попало.

Гавриил посмотрел на футляр. — Он в ящике, пап. Я не на выходе в лес.

— В лес пойдёшь — возьми. Дома я мог сам проверить, всё ли на месте, а теперь следи.

— Разберусь. — Гавриил убрал футляр и уже собирался закончить разговор, но отец спросил:

— Сосед местный?

— Вроде. Завадский Александр.

На другом конце что-то звякнуло и сразу стихло. Отец переспросил фамилию, теперь уже без обычной рассеянности.

— Ты её знаешь? — Гавриил выпрямился.

— Может, слышал когда-то. Откуда он?

— Из Чернореченска, наверное. Я не спрашивал.

Отец снова загремел чем-то металлическим. — Посмотрю записи. Если вспомню, скажу.

— Только не забудь.

— Учись и не накручивай себя. И сестре всё подряд не рассказывай: она второй день доказывает, что твой сосед вампир.

Гавриил рассмеялся. — Я ей ничего не рассказывал. Она сама придумала.

Гавриил рассмеялся, покачав головой.

— Я ей не рассказывал. Она сама придумала.

— Это хуже.

— Знаю.

Они попрощались. Гавриил положил телефон на стол. Отец обещал посмотреть, и выспрашивать сейчас то же самое у Витольда смысла не было. Если к завтра ничего не напишет — напомнит. Гавриил придвинул тетрадь, нашёл место, на котором застрял ещё до материнского звонка, и взял ручку.

Через минуту пришло сообщение от Светы: *«Это я. Как и обещала»*. Следом — ссылка и ещё одна строчка: *«Только*

не читай пост про старую шахту ночью, а то Санёк будет говорить, что был прав».

Гавриил посмотрел на пустую соседскую кровать и написал: «А почему он Санёк?» Света ответила почти сразу: «Потому что Александр Завадский звучит так, будто сейчас будут зачитывать завещание».

Гавриил прыснул. Следом пришло: «Только ему не говори, что я сказала».

«Поздно. Запомнил», — набрал он. Света ответила: «Свой человек».

Он всё-таки открыл ссылку.

На первой фотографии был Чернореченск с вершины сопки: серые крыши, трубы, старые корпуса техникума, тёмная полоса леса и река, почти неразличимая под низким небом. На второй — заброшенный кирпичный дом с выбитыми окнами. На третьей — старая чёрно-белая фотография группы студентов возле деревянного щита с надписью, которую с экрана телефона было не разобрать.

Гавриил увеличил снимок. Подпись начиналась так: **«Практика студентов Чернореченского лесотехнического училища, предположительно конец восьмидесятых. Место съёмки до сих пор спорное...»**

Он задержал палец на фотографии. За студентами поднимался склон, у дороги стоял деревянный щит. Если это местная практика, база, наверное, была недалеко от города. Гавриил ещё приблизил снимок, но буквы расплылись.

Из коридора донёлся удар, чей-то возмущённый крик и голос Маргариты Сергеевны:

— Я КОМУ СКАЗАЛА МЕБЕЛЬ НЕ ДВИГАТЬ?!

Гавриил вздрогнул и опустил телефон. За стеной затихли. Через секунду мебель поехала снова, только медленнее.

Глава 4. Посылка из дома

Посылка приехала на следующее утро. Гавриил ещё не успел толком соскучиться по дому, а мать уже что-то отправила. Хотя при отъезде обещала: «Ты взрослый человек, сам разберёшься».

Утром, перед занятиями, Маргарита Сергеевна поймала его у выхода из общежития. Гавриил одной рукой застёгивал куртку, другой пытался убрать телефон в карман, а Александр, только что вернувшийся с ночной смены, стоял рядом с бумажным стаканчиком кофе и выглядел человеком, которому для полноценного участия в происходящем не хватало примерно четырёх часов сна и хотя бы слабого желания жить. Комендант сидела за своим столом, перед ней лежала большая картонная коробка, перетянутая скотчем в три слоя, и уже по одной этой упаковке Гавриил понял, откуда она взялась: мать считала, что почтовые службы специально нанимают людей, чтобы прыгать на чужих посылках, а потому заворачивала всё так, будто содержимое собиралось пережить падение с грузового самолёта.

— Ратников, — Маргарита Сергеевна постучала ладонью по коробке, не отрываясь от журнала, — тебе.

Гавриил остановился на полушаге и посмотрел сначала на коробку, потом на коменданта.

— Уже?

— С утренним автобусом передали. Водитель занёс, мать заранее позвонила. Подпиши.

Она раскрыла журнал на нужной странице и подтолкнула его через стол.

Александр отпил кофе и заглянул за плечо Гавриилу, пока тот расписывался.

— Только не начинай.

— Я пока ничего не сказал, — Александр подошёл ближе, прочитал написанную маркером фамилию на верхней стороне и слегка приподнял бровь. — Хотя начинаю понимать, откуда у вашей семьи привычка снабжать вас так, будто Чернореченск находится за Полярным кругом и окружён вражескими войсками.

Маргарита Сергеевна дождалась, пока Гавриил распишет, забрала журнал и закрыла его.

— Мать звонила вчера вечером.

— Вам? — Гавриил сразу поднял голову.

— Мне.

— Зачем?

— Предупредить про коробку. И узнать, нормально ли ты живёшь. — Маргарита Сергеевна посмотрела на него поверх очков.

— Откуда у неё ваш номер? — Гавриил перестал застёгивать куртку.

— На сайте есть.

Александр отвернулся к двери, но по движению плеч Гав-

риил понял, что тот смеётся, и это почему-то задело сильнее, чем сама новость о материнском звонке.

— И ты тоже молчи.

— Я вообще не вмешиваюсь, — Александр сделал вид, что рассматривает объявление у выхода.

— Конечно.

— Хорошая женщина. — Маргарита Сергеевна сложила руки поверх журнала.

— Долго разговаривали? — Гавриил на секунду закрыл глаза.

— Минут пятнадцать.

Теперь уже Александр кашлянул в стакан и прикрыл рот кулаком, а Гавриил медленно повернулся к нему.

— Вчера с тобой три минуты. Потом с Маргаритой Сергеевной пятнадцать. К концу недели она будет знать расписание директора.

— Возможно, уже знает, — Александр сделал ещё глоток кофе и совершенно спокойно посмотрел на Маргариту Сергеевну.

Та не стала ни подтверждать, ни опровергать, только кивнула на коробку:

— Забирай, у меня тут весь стол занят.

Гавриил наклонился, подхватил посылку и сразу понял, что мать всё-таки отправила не «пару вещей». Коробка была тяжёлая — не неподъёмная, но вполне достаточная, чтобы тащить её на третий этаж с ясным осознанием: внутри обя-

зательно окажется что-то, что можно было купить в магазине через дорогу.

— Что там? — спросил Александр у лестницы и проводил коробку взглядом, будто прикидывал содержимое по весу.

— Пока не знаю.

— Судя по тому, как вы её тащите, картошка. С учётом вашей семьи вполне вероятно.

Гавриил посмотрел на него поверх коробки. — Нам на пары, а не на разгрузку вагона.

— До пары двадцать минут. — Александр поставил кофе на подоконник и взялся за нижний край картона.

— Я сам донесу.

— Я не сомневаюсь. Но тогда двадцати минут у нас не останется.

Гавриил крепче вцепился в коробку. Александр уже начал подниматься, не оставив ему выбора. Пришлось перехватить свой край. — Тогда держи ровнее.

Александр уже начал подниматься, не оставляя ему особого выбора.

— Тогда держи ровнее, — Гавриил перехватил свой край.

— Вот теперь договорились.

Коробку они донесли вдвоём и поставили на Гавриилову кровать. Александр вернулся за кофе, оставленным на лестничном подоконнике, а Гавриил снял куртку и отодвинул сумку. Сосед появился в дверях и кивнул на посылку.

— Открывать будете вечером?

— Сейчас. — Гавриил уже доставал нож.

— У нас семнадцать минут. — Александр перевёл взгляд с ножа на часы и потёр лицо.

— Я быстро.

— Это вы вчера говорили про дорогу до столовой.

— Я её нашёл, — Гавриил разрезал первый слой скотча.

— Через внутренний двор, архивное крыло и знакомство с преподавателем.

— Зато теперь знаю два пути.

Александр поставил сумку на стул, кофе на подоконник и остался смотреть. Любопытно ему, видите ли.

Под первым слоем скотча обнаружился второй. Под вторым — третий.

— Ваша мать действительно не доверяет почте, — Александр покачал головой.

— Однажды нам пришёл термос с вмятиной.

— И с тех пор она объявила войну логистике?

— Он был новый. — Гавриил просунул нож под очередную полосу.

Наконец крышки разошлись, и первым внутри оказался термопакет с запиской: «ЭТО СРАЗУ В ХОЛОДИЛЬНИК».

Александр наклонился через плечо Гавриила, прочитал и отступил, поднимая стакан с подоконника.

— У вас инструкции даже у еды.

— Потому что если написать просто «еда», Витольд всё съест.

Гавриил отложил термопакет, вытащил ещё один свёрток, потом банку мёда, ещё одну банку, пакет сушёных яблок, пачку домашнего печенья, носки, небольшую коробку с инструментами и полотенце, которого он не просил.

Под ним лежал ещё один пакет.

Александр присел на край своего стола и некоторое время наблюдал, как количество вещей на кровати растёт, а выражение его лица постепенно меняется от насмешки к неподдельному изумлению.

— Я начинаю понимать, почему коробка весила столько.

— Здесь половина вещей мне вообще не нужна, — Гавриил достал новую пачку носков и поднял её двумя пальцами. — Например, у меня уже есть носки.

— Теперь будет больше.

— И полотенце есть.

— Теперь будет чище. — Александр кивнул на свежее полотенце.

— Ты на чьей стороне? — Гавриил старался сердиться, но всё-таки улыбнулся.

— На стороне человека, которому очень интересно, что ещё можно прислать взрослому сыну через два дня после переезда.

Внизу лежала пластиковая коробка, замотанная в пузырчатую плёнку. Гавриил узнал почерк отца на наклейке: «ПРИ СЕБЕ. НЕ ТЕРЯТЬ». Улыбка пропала.

Александр заметил это не по коробке, а, кажется, по его

лицу, потому что перестал комментировать содержимое и перевёл взгляд к окну. Гавриил снял плёнку, открыл крышку и увидел внутри несколько привычных вещей: тонкий моток серебряной проволоки, складной нож с новым чехлом, две маленькие капсулы с солью и ещё один амулет — простой металлический круг на кожаном шнурке, тёмный от времени.

Дома такой набор не привлёк бы внимания. Здесь Гавриил сначала покосился на Александра. Тот слез со стола, подошёл к окну и пил кофе, разглядывая двор.

— Это тоже семейное? — спросил он через несколько секунд, не оборачиваясь.

— Ага. — Гавриил взял амулет и провёл большим пальцем по тёмному металлу.

— И вы всё это обычно носите с собой? — Александр обернулся, опуская стакан.

— Не всё.

— Успокаивает.

— С чего бы? — Гавриил нахмурился.

— Если это «не всё», я не хочу видеть полный комплект. — Александр кивнул на коробку.

Гавриил хмыкнул.

— Отец любит перестраховаться.

— Я уже понял.

Гавриил повертел амулет, потом выдвинул ящик с футляром.

— А ты вчера спрашивал про знак.

— Спрашивал. — Александр допил кофе и опустил стакан.

— Где-то видел?

Отец зацепился за фамилию, а Александр — за знак. Гавриил ещё не знал, связано ли одно с другим, но спросить стоило.

Александр посмотрел на футляр.

— Видел похожие оттиски.

— Где?

— В краеведческих материалах. Я не могу по памяти сказать, тот же это знак или нет. — Он смял пустой стакан и потянулся за сумкой.

Гавриил покрутил амулет между пальцами.

— А фамилию Ратников раньше слышал?

— Могла попадаться, — Александр застегнул сумку.

— Саш, ты сейчас издеваешься?

Тот вздохнул и прислонился бедром к столу.

— Я не знаю вашу семью. Если что-то найду в документах, покажу. Но я не изучал вашу родословную до того, как вы появились с растением.

— А после? — Гавриил посмотрел на чеснок.

— После я ограничился оценкой угрозы подоконнику.

Гавриил фыркнул. Оба обещали что-нибудь найти; оставалось дожидаться хотя бы одного ответа.

Он убрал амулет в карман и начал сгребать пузырчатую

плёнку обратно в коробку.

— Нам правда пора.

— Наконец-то. — Александр оттолкнулся от стола и взял сумку.

— Секунду. — Гавриил поднял термопакет с надписью «СРАЗУ В ХОЛОДИЛЬНИК».

— Семь минут. — Александр закрыл глаза и прислонился лбом к косяку.

— Я только уберу мясо.

— Конечно.

На занятия они всё-таки успели, хотя последние сто метров Александр шёл так быстро, что Гавриилу пришлось увеличить шаг. Возле входа они едва не столкнулись со Светой, которая стояла под навесом с бумажным стаканом сладкого капучино и фотографировала мокрые ветки старого клёна на фоне учебного корпуса.

Света опустила телефон и оглядела их. — О, семейная прогулка.

— Доброе утро, Светлана. — Александр придержал дверь плечом, явно не собираясь обсуждать состав семьи.

— Ты чего злой?

— Я со смены.

— Ты вечно со смены.

— Я тоже это заметил. — Он шагнул в корпус, оставив дверь Гавриилу.

Гавриил поправил съехавший ремень рюкзака. — Нам на

пары.

Света посмотрела на часы. — Ещё три минуты.

— Вот именно, — донеслось уже из коридора.

Она проводила Александра взглядом. — Он всегда идёт так, будто за опоздание зарплату урежут?

— Он называет это дисциплиной.

— Он много чего странного так называет, — решила Света и убрала телефон.

Гавриил уже собирался идти, но Света достала из кармана телефон.

— Кстати, ты паблик смотрел?

— Немного.

— Старую фотку видел?

— С практики? — Гавриил остановился на ступеньке.

Света открыла снимок и развернула экран к нему.

— Да. В комментариях пишут, что это девяносто первый. Но пока никто не объяснил, откуда дата. Хочу с альбомом в библиотеке сравнить.

— А ты восьмидесятые откуда взяла? — Он наклонился к экрану.

— Так было подписано там, где нашла. Больше не буду без проверки тащить.

— Я вчера тоже по фотке возраст сосны определил. Мимо.

— Вот видишь, — Света убрала телефон. — Пойдём проверять вместе.

— Теперь точно пора. — Гавриил посмотрел на часы.

— После второй пары в библиотеку? У меня окно.

— У меня четыре пары подряд.

Света допила капучино и заглянула в стакан, словно там могло найтись другое расписание.

— Ладно, после четвёртой. Ужасно вы живёте.

Александр выглянул из двери.

— Ратников.

— Что? — Гавриил повернулся.

— Марченко уже идёт. — Александр кивнул в глубину коридора.

— Он уже за тобой следит. — Света подняла пустой стакан.

— Я заметил.

Александр исчез внутри.

— Заботливый. — Она улыбнулась и наклонилась к Гавриилу.

— Он просто не любит опаздывать. — Гавриил посмотрел на дверь и зачем-то поправил лямку ещё раз.

— Ну да, конечно.

Света улыбалась так, что захотелось немедленно перестать оправдываться.

— Мне правда пора.

— Иди, а то опекун нервничает.

— Свет. — Гавриил поднял на неё взгляд.

— Всё, всё. Молчу. — Она засмеялась и отступила, под-

няв обе руки.

Первая пара прошла нормально, вторая почти нормально, если не считать того, что проектор дважды отказался показывать презентацию, после чего Валентина Борисовна назвала его «техническим недоразумением» и продолжила лекцию мелом на доске. К третьей Гавриил окончательно понял, почему студенты всегда жалуются на первые недели учёбы: материал вроде несложный, но организм ещё не согласился с необходимостью сидеть по полтора часа подряд на одном месте и делать вид, что деревянный стул создан для позвоночника.

На большой перемене Антон предложил пойти в столовую. Гавриил согласился. Они спускались по лестнице, когда телефон в кармане снова завибрировал.

Звонил Витольд. Гавриил задержал палец над экраном: уж не про соседа ли? Брат почти никогда не звонил днём просто поговорить; если хотел рассказать, что поменял масло или нашёл хорошие патроны по нормальной цене, присылал фотографию без объяснений.

— Я догоню, — сказал Гавриил Антону, остановившись на лестничной площадке.

Тот кивнул, поправил рюкзак и пошёл дальше.

— Привет. — Гавриил отошёл к окну в конце коридора и ответил.

— Занят?

— Перемена, — Гавриил оперся плечом о холодную стену

и посмотрел во двор.

На том конце слышался ветер. Витольд, вероятно, был где-то на улице.

— Посылка дошла?

— Утром.

— Отец положил тебе круг?

— Да, — он машинально коснулся кармана куртки.

— Носи.

— Вы сговорились? — Гавриил нахмурился.

— Да.

Витольд даже не стал отпираться.

— С чего вдруг?

— Потому что ты уехал один.

— Я уже это слышал.

— Ну вот. Ничего нового.

— А отец тебе про Завадского сказал? — Гавриил облокотился на подоконник.

— Спросил, не помню ли я такую фамилию.

— И?

— Не помню.

— Тогда почему круг прислали?

Витольд выдохнул в трубку.

— Гавр, мать коробку ещё днём собрала. Отец вечером добавил, что счёл нужным. Носить его он тебя и дома просил.

— А фамилию где он слышал?

— Не вспомнил пока. Обещал же посмотреть.

Гавриил посмотрел в окно. Во дворе студенты перебегали между корпусами под дождём, кто-то курил под козырьком, рядом с мусорным баком ворона разбирала пакет с явным пониманием городской инфраструктуры.

— Не люблю, когда вы так, — Гавриил соскоблил ногтем чешуйку краски с подоконника.

— Как?

— «Носи». «Ничего нового». Я же не просто так спрашиваю.

На том конце зашумел ветер. Гавриил убрал свободную руку в карман.

— Если есть причина держаться от него подальше, скажи прямо, — потребовал Гавриил.

Витольд заговорил серьёзнее. — Он тебе угрожал? Сделал что-нибудь?

— Нет.

— Ты видел что-то, чему не нашёл нормального объяснения?

Гавриил почти вспомнил про чеснок, но вовремя остановился. Нелюбовь к чесноку ещё не делала человека опасным. — Тоже нет.

— Тогда не накручивай себя.

— Это ты мне говоришь?

— Я. Иначе уже ехал бы к тебе, — сказал Витольд, и по голосу было понятно, что он не шутит.

Возразить было нечего. Александр помог донести коробку, принёс забытые документы, показал дорогу до магазина. Ещё сдал матери Гавриила с его единственным пирожком, но на угрозу жизни это не тянуло.

— Ладно.

— И ещё: не рассказывай посторонним про семью и работу. Футляр где попало не оставляй.

Гавриил оглянулся на пустой коридор. — Почему вы все сегодня разговариваете со мной так, будто мне снова двенадцать?

Витольд ответил не сразу. — Потому что ты впервые один.

Гавриил посмотрел на дверь аудитории. — Я не один.

— У тебя сосед появился два дня назад.

— И?

— Ничего. Просто не путай «рядом кто-то живёт» и «ты его знаешь».

Гавриил стиснул телефон. Про Александра он уже знал много бытовых мелочей: расписание, работу, кофе без сахара. Но чем тот жил до общежития — понятия не имел. Даже про родителей узнал случайно. Брат был прав, и от этого хотелось спорить ещё сильнее.

— Я и не путаю, — сказал Гавриил и провёл ладонью по затылку.

— Хорошо.

Они попрощались. Он убрал телефон и некоторое время стоял возле окна, пока в коридоре не стало тише.

— Семейный совет?

Голос Александра прозвучал сзади так неожиданно, что Гавриил чуть не дёрнулся. Он резко обернулся и увидел соседа у другого окна — с папкой под мышкой и новым стаканчиком кофе в руке.

— Ты специально ходишь тихо?

— Нет. — Александр сделал глоток.

— Врёшь.

— Очень обвинительный день. — Тот посмотрел на него поверх стакана.

— Брат звонил. — Гавриил оттолкнулся от стены.

— Я услышал.

Гавриил замер.

— Ты подслушивал?

— Только последнюю фразу, — Александр отвёл стакан от лица. — Вы стоите у самой двери.

— Можно было пройти дальше.

— Мне сюда. — Александр указал папкой за спину Гавриила.

Только теперь тот заметил табличку «АРХИВНЫЙ ФОНД».

— А. Ладно.

Гавриил отступил, пропуская соседа. Александр подошёл к двери и начал искать ключ в кармане.

— Отец ещё не написал, — сказал Гавриил. — Он твою фамилию где-то слышал.

Александр поднял голову.

— И что сказал?

— Пока ничего. А ты про знак когда сможешь посмотреть?

— Не сегодня. Здесь другое задание, — он чуть приподнял папку. — И я ведь не обещал, что найду.

— Понимаю.

Александр переложил папку в другую руку.

— Когда занимаешься старым фондом, такие вещи начинают казаться знакомыми. Клейма похожи, фамилии повторяются. Без документа я ничего не могу утверждать.

Гавриил засунул руки в карманы. Хотелось получить хоть какой-нибудь ответ уже сейчас, но по двум разговорам он пока знал только то, что сосед работает с бумагами, а отец не вспомнил фамилию. Остальное додумывал сам.

— Хорошо. Если попадётся — покажи.

— Покажу. — Александр достал ключ, зажатый между страницами папки.

— Подержите, пожалуйста. — Он протянул кофе.

Гавриил взял стакан, пока Александр отпирал дверь.

— Спасибо. — Сосед забрал его обратно.

Гавриил посмотрел внутрь.

За дверью был узкий коридор, пахнувший пылью, старой бумагой и чем-то древесным. Дальше виднелись металлические шкафы, каталожные ящики, высокий стеллаж и окно с мутным стеклом, через которое дневной свет ложился на

пол серым прямоугольником. На стене висела старая фотография здания техникума ещё до ремонта, с деревьями перед фасадом совсем маленькими.

— Красиво, — сказал он, задержавшись у порога.

— Пыльно. — Александр оглянулся на шкафы.

— Одно другому не мешает. — Гавриил провёл взглядом по старым корешкам.

— Вы уже начинаете говорить как Лебедев.

— Это плохо? — Он повернулся к соседу.

— Нет. Только не стойте на пороге, я закрою. — Александр придержал дверь, пока Гавриил отступал, и исчез в архиве.

Гавриил ещё секунду смотрел на табличку, потом пошёл в столовую.

После четвёртой пары Света ждала у выхода из аудитории. Гавриил ещё сверял расписание в телефоне, а она уже заглядывала ему через плечо, проверяя, не осталось ли там пятой.

— Всё, освободился? — Света догнала его и подстроилась под шаг.

— На сегодня да. — Гавриил убрал телефон.

— Тогда идём в библиотеку.

— Я уже видел дверь.

Света остановилась так резко, что он едва не налетел на неё. — Дверь не считается.

— Вообще-то я вчера заходил.

— Без меня? — Она прижала телефон к груди, изображая

оскорблённое доверие.

Гавриил не сразу понял, что она шутит. — Мы вчера познакомились.

— Тем более. Отношения ещё хрупкие, их беречь надо. — Света первой свернула к лестнице.

Гавриил рассмеялся, не удержавшись, и пошёл следом, пока Света с видом оскорблённой, но великодушной стороны снова направлялась к лестнице.

Основная библиотека отличалась от архивного крыла ровно настолько, насколько обычная районная поликлиника отличается от закрытого кабинета главврача: всё ещё старое, всё ещё с высокими окнами и тяжёлыми шкафами, но здесь стояли пластиковые стулья, компьютер с наклейкой **«НЕ ВЫКЛЮЧАТЬ ИЗ РОЗЕТКИ»**, сканер, стопка новых учебников и девушка за дальним столом, которая ела шоколадку, спрятав её за монитором.

За стойкой сидела женщина лет сорока пяти с короткими тёмными волосами и массивными очками. Света по дороге называла её тётей Ниной, но Гавриил на всякий случай прочёл табличку: **«Нина Викторовна»**.

— Это Гавр, — сообщила Света, подходя к стойке.

— Гавриил, — поправил он, пока библиотекарь поднимала глаза.

— Он разрешил сокращать? — Нина Викторовна посмотрела поверх очков сначала на Свету, потом на него.

Света тут же повернулась к Гавриилу. Тому оставалось

только махнуть рукой. — Да можно.

— Видите, всё официально. — Она подвинула к нему читательский билет.

Нина Викторовна сняла очки и принялась протирать их салфеткой. — Что вам нужно?

— По лесному хозяйству района. И старые карты, если можно. Пока просто посмотреть.

— Насколько старые?

— Какие есть.

— Я же говорила, наш человек, — довольно заметила Света.

— У тебя все «наши», кто не уходит после первых двух предложений про заброшенные здания. — Библиотекарь надела очки и указала Гавриилу на каталог. — Краеведение во втором шкафу, карты выдаю по запросу. В старый фонд без разрешения не пушу.

Гавриил уже сделал несколько шагов, но обернулся. — Чьего разрешения?

— Лебедева или заведующей.

— Аркадий Павлович даст, — сразу пообещала Света.

Нина Викторовна медленно повернулась к ней. — Он уже делал тебе замечание. Сначала спроси, потом распоряжайся преподавателем.

Света сделала вид, что не слышала. Гавриил пошёл к шкафу.

На полках стояли толстые сборники краеведческих кон-

ференций, старые путеводители, книги по истории горнодобывающих предприятий, небольшие местные издания в мягких обложках и несколько папок с газетными вырезками. Он провёл пальцем по корешкам и вдруг почувствовал то редкое спокойствие, которое обычно приходило дома в мастерской отца или в лесу после того, как найден правильный след: вокруг могло быть сколько угодно незнакомого, но если оно раскладывалось по системе, становилось понятнее.

Света тем временем вытащила толстый альбом и положила его на соседний стол.

— Вот, старые фото училища.

Гавриил подошёл, и она раскрыла обложку.

Он наклонился над страницами. На первых были торжественные линейки, преподаватели, мастерские, группы студентов перед автобусами. Подписи менялись вместе с названием учреждения: училище, техникум, колледж, снова какое-то объединение. Чернореченск явно любил переименовывать учреждения чаще, чем ремонтировать фасады.

— Смотри, — Света ткнула пальцем в фотографию, стараясь не касаться самого снимка. — Это старый третий корпус. Его потом перестроили.

— А это где? — Он наклонился ближе.

— За городом. Практическая база.

— Работает?

— Вроде не работает. Или частично, — Света листнула страницу назад, ища подпись. — Там сейчас какие-то скла-

ды, часть помещений закрыта.

На фотографии перед длинным деревянным зданием стояла группа человек двадцать. За ними начинался лес. Гавриил посмотрел на подпись. 1989 год. Учебная практика.

— Похоже на ту фотку из твоего паблика.

— Вот! — Света сразу наклонилась ближе. — Я тоже подумала. Только там люди другие.

Она достала телефон и открыла вчерашний снимок, положив его рядом с альбомом.

Они сравнили. Место действительно могло быть одним и тем же: похожий склон, лес, даже форма деревянного щита у дороги.

— Может, база, — сказал Гавриил.

— Может.

— Так и подпишем? — Света увеличила снимок.

— Пока только «похоже на базу». Щит бы разобрать.

Она попыталась приблизить ещё, но буквы превратились в квадраты.

— Ладно, поищу получше. Этот уже кто-то сжал до меня.

— Светлана, убери локоть с альбома, пожалуйста.

Лебедев стоял в проходе между шкафами с несколькими книгами под мышкой.

— Мы аккуратно. — Света поспешно выпрямилась.

— Вот и не опирайся на переплёт, — Лебедев положил книги на соседний стол и посмотрел на фотографию. — Практическая база?

— Похоже. — Гавриил кивнул.

Лебедев нагнулся к снимку, прочёл подпись.

— Да, она.

— Она ещё есть? — Света развернулась к преподавателю.

— База? — Лебедев поправил очки. — Здания есть. Учебной базой она давно не является.

— А где точно?

— Северо-восточнее города, за старым карьером. Только ехать туда не советую: дорога разбита, здания без присмотра.

— Лебедев выпрямился.

Света сразу посмотрела на Гавриила. Тот поднял ладонь.

— Нет.

— Я ничего не сказала. — Она прижала телефон к груди.

— У тебя что-то с лицом.

Света открыла рот, но Лебедев её опередил.

— Я серьёзно. На фотографиях смотрите сколько хотите, а по аварийным зданиям не лазайте.

— А почему база закрылась? — Гавриил повернулся к преподавателю.

— Денег на ремонт не хватало. Потом практики перенесли ближе к городу, под новые требования, — Лебедев опёрся ладонью на край стола.

— Ничего мистического? — Света чуть наклонила голову.

— Протекающая крыша, Светлана. Без всякой мистики, — он посмотрел на неё поверх очков.

Гавриил улыбнулся. Нравилось ему, что у Лебедева вместо легенды находилась протекающая крыша.

— А старые карты можно посмотреть? — спросил он.

— Для чего? — Преподаватель перевёл на него взгляд.

— Хочу понять район. Где лесничества, какие дороги сохранились. — Гавриил провёл пальцем по краю альбома.

— Тогда начните с современной карты. Со старой будет что сравнивать, — Лебедев указал на шкаф у стены. Света вытянула шею, разглядывая полки. Он подождал, пока она отойдёт, и снова обратился к Гавриилу: — Подойдите завтра после занятий. Покажу несколько карт, от дореволюционных до современных. Только аккуратно, они не для ежедневной выдачи.

Гавриил кивнул.

— Хорошо.

— А Светлане старый фонд пока не выдаём. — Лебедев повернулся к ней.

— Почему? — Она выпрямилась.

— Потому что в прошлый раз фотография из папки оказалась у тебя в паблике без разрешения. Мы это уже обсуждали.

— Это же популяризация истории. — Света прижала руку к груди.

— Фотографировать можно только с разрешения. И публиковать тоже. Сначала разберёмся с тем снимком, потом вернёмся к выдаче.

Света вздохнула и убрала телефон.

— Ладно, я после подойду.

Он забрал свои книги и ушёл к стойке.

— Он меня любит, — Света проводила его взглядом.

— Очень своеобразно. — Гавриил закрыл альбом.

— У нас долгие отношения.

— Вы знакомы давно? — Он повернулся к ней.

— С первого курса, — Света снова взяла телефон, но уже не фотографировала. — Я к нему пришла спросить, где находилась старая водокачка, и случайно осталась на два часа.

— Он правда много знает.

— Очень.

— Спроси его про любой старый дом — расскажет, кто там жил, что сгорело и почему фундамент треснул. — Света посмотрела в сторону стойки, где Лебедев разговаривал с Ниной Викторовной.

— У нас отец так про лес. — Гавриил улыбнулся.

— Вот. Значит, понимаешь. — Света подняла альбом и понесла его обратно на полку.

Когда Гавриил вернулся в общежитие, Александр уже спал. На его столе лежали тетради, рядом стояла пустая чашка, а шторы снова были задёрнуты. Гавриил вошёл тихо, снял ботинки и только после этого вспомнил про утреннюю посылку.

Он заглянул на кухню. Мясо было на месте, даже подпись никто не сорвал. Уже победа.

Разобрав коробку, он нашёл на дне ещё один маленький свёрток. Внутри оказался резной деревянный медведь с кри-вой лапой и слишком большим носом. Работа Яромиры. Под ним лежала записка: **«Чтоб ты не забыл, как выглядит нормальный сосед. Я.»**

Гавриил закусил губу, чтобы не рассмеяться и не разбудить Александра, и прикрыл рот ладонью. Он посмотрел на соседнюю кровать: тёмная макушка виднелась из-под одеяла, одна рука свисала почти до пола, на стуле лежала аккуратно сложенная одежда, а возле кровати стояли ботинки, поставленные параллельно так ровно, будто даже во сне человек не собирался давать общежитию победить себя окончательно.

Гавриил поставил медведя на стол. Тут же завибрировал телефон: *«Нашёл?»* Он сфотографировал фигурку и отправил сестре.

«Похож?» — спросила Яромира.

Гавриил посмотрел на соседнюю кровать. *«Не очень».*

«Значит, вампир». Он покачал головой и убрал телефон.

— Если она опять про меня, передайте, что я категорически против, — сонно произнёс Александр.

Гавриил замер.

— Ты не спишь?

— Уже нет. — Сосед глубже зарылся лицом в подушку.

— Извини, — Гавриил достал телефон и отключил вибрацию.

— Что она сказала?

— Что это нормальный сосед. — Гавриил взял медведя и подошёл ближе.

Александр приоткрыл один глаз, посмотрел на фигурку. Гавриил зачем-то повернул её ровной лапой вперёд.

— Очень лестно.

— Она считает, что ты хуже.

— Передайте, что я переживу.

— Она считает тебя вампиром. — Гавриил вернул медведя на стол.

— Ваша сестра обладает утомительно последовательным воображением. — Александр закрыл глаз.

— Я ей говорил, — Гавриил сел на край своей кровати.

— Спасибо за поддержку.

Он улыбнулся и уже собирался отвернуться к столу, когда Александр, всё ещё не открывая глаз, добавил:

— Кстати, ваш пакет в холодильнике я переставил на верхнюю полку.

— Зачем? — Он оглянулся.

— Внизу опять течёт вода из морозилки.

— Ты его трогал? — Гавриил посмотрел на соседа.

— Пакет? — Александр чуть повернул голову.

— Да.

— Через ручки.

Гавриил не сразу понял. Потом вспомнил, что мать могла приготовить мясо как угодно, и рассмеялся.

— Там нет чеснока.

— Я предпочёл не проверять на доверии. — Александр натянул одеяло выше.

— Я могу поклясться.

— Вы уже клялись кабаном.

— И не соврал.

— Именно поэтому пока живы наши дипломатические отношения. — Он приоткрыл глаз.

Гавриил сел за стол, всё ещё улыбаясь, и подвинул медведя к стакану с ручками. Чеснок оставался на подоконнике, на его половине.

За стеной снова что-то тяжело протащили по полу. Александр произнёс, не открывая глаз:

— Если это опять шкаф, я его ночью выброшу.

— Маргарита Сергеевна не разрешает выносить мебель.

— Гавриил посмотрел на стену, откуда донёсся ещё один скрежет.

— Тогда поставлю в коридоре.

— Это всё ещё вынос. — Он открыл тетрадь.

— Сожгу. — Александр приподнял голову с подушки.

— Открытый огонь запрещён, — Гавриил оглянулся.

Александр помолчал, потом зарылся обратно под одеяло.

— Я начинаю сожалеть, что показал вам правила.

— Поздно, — Гавриил снова повернулся к тетради.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.